

Алена Медведева

Мой невероятный мужчина

- Много поцелуев!

- Насколько много?

- Столько я тебе ещё не дарил.

- Да неужели?

- Проверим?

- Как?.. - Дивария улыбается, состроив ироничную гримаску. Ей понятно, что весь этот спор устроен с единственной целью - отвлечь от трудного дня, наполненного делами, которых неизменно в избытке у каждого, кто начинает жизнь на новом месте.

- Посчитаем!

Не оставив времени на возражения, Делим притягивает жену к себе. Вглядываясь в её глаза, те самые, которые прежде мог представлять лишь в мечтах, медленно усаживает Диварию на свои колени и нежно целует.

- Раз... - провоцирует поддержать его игру.

- Два, - вмиг севшим голосом выдыхает Дивария, послушно прижимаясь к груди мужа и обвив его шею руками.

- Три, - на мгновение оторвавшись от любимых губ, продолжает Делим и тут же вновь к ним прикикает.

Сторонний наблюдатель решил бы, что супруги вот-вот потеряют голову от страсти. Воздух вокруг них искрит от едва сдерживаемого желания, объятия становятся всё теснее, поцелуи жарче, стоны отчетливее. Кажется, они и думать забыли о важной цели и о лишённом романтики окружении - рабочий кабинет, заваленный бумагами и инфоносителями, трудно отнести к этой категории. Но тут...

- Ой! - Дивария отстраняется, в странном оцепенении блуждая взглядом по стопкам документов. Именно их сегодня пересматривали супруги, пытаясь разобраться с происходящим на Леде.

- Милая?

- Нет, постой! - Она встряхивает головой, не позволяя рукам мужа вновь притянуть себя ближе. - Я важную вещь вспомнила. Хотела сразу тебе сказать, но забыла.

- Что-то настолько срочное? - теряется супруг, озадаченный столь несвоевременной переменной.

- Конечно, срочное! - Дивария вскакивает на ноги, не замечая, что запустила пальцы в уже и так изрядно пострадавшую от рук мужа прическу.

- Что-то в документах? - Осознав, что момент упущен, Делим тоскливо вздыхает, но тоже встаёт, понимая, что без причины его любимая не была бы так взбудоражена.

- Смотри... - Девушка торопливо раскладывает на мутной поверхности стеклянного стола несколько бумаг и столь же стремительно активизирует технику, формирующую голозекран.

- Помнишь, сколько личинок мы вернули на Леду?

- Двести девяносто девять, - не раздумывая, уверенно отвечает мужчина.

- А украдено было триста! - триумфально заявляет его жена, выразительно указывая пальцем на число в документе.

- И где же ещё одна личинка? - Делим хмурится.

- Вот... - Дивария разворачивает к нему экран с текстом.

- Сто сорок третий день, - послушно читает вслух мужчина и переводит вопросительный взгляд на жену.

- Примерно за год до начала Карнавала, - поясняет она. - Это личный дневник нашего воспитателя, его с корабля доставили как вещественное доказательство.

- Ясно. - Делим возвращается к документу. - Завтрак. Шестичасовое учебное занятие. Воспитательная беседа. Шестнадцать личинок проявили непослушание и изолированы в качестве наказания, двести сорок пять допущены в игровую зону, отдых на воздухе для остальных. Во время прогулки одна пропала. Сбежать и спрятаться негде, но поиски ничего не дали. Карта...

Он хмурится, рассматривая появившуюся на экране схему и изображение - полуразрушенные арочные сооружения, выстроенные из белого камня и окружённые бескрайней зелёной равниной.

- Это древний портал. Из тех, что открываются тембром голоса, - узнаёт Делим и поднимает обеспокоенный взгляд на взволнованную жену. - Видимо, был в рабочем состоянии и куда-то её перебрал. Плохо.

- Очень плохо! Ты даже не представляешь, каково это - остаться одной! К тому же в начальной стадии трансформации! - Дивария зажмуривается, словно сама ощущает тот ужас и страх, что, должно быть, испытала её соплеменница.

- Времени прошло много. Личинка могла погибнуть... - с грустью смотрит на жену империанин, но, заметив, как на любимые глаза наворачиваются слёзы, тут же отбрасывает плохие мысли и сосредотачивается, начиная рассуждать: - Эти порталы срабатывают очень непредсказуемо, а если и открываются спонтанно, то лишь на ближайшие планеты. Я выясню, что это за звёздная система, и разошлю в соседние сообщения. Сделаем всё, и даже больше, чтобы её отыскать.

Делим преобразился: отстранённое выражение лица и пронзительный взгляд... Отпрыск императорской семьи, настоящий исгреанин - сейчас не могло быть сомнений, он докопается до истины, какой бы таинственной ни оказалась судьба пропавшей личинки.

Дивария дарит мужу полный нежности взгляд, радуясь той уверенности, которую сейчас излучает империанин. Она правильно поступила, когда пригласила его в свой мир. Её народ получил в его лице защитника, а она... настоящего мужа.

- А-а-а...

Если бы рядом был тот, кто мог распознать смысл визга личинки, он бы понял, как я сейчас напугана. И как мне...

жарко. Миг назад я запищала от восторга, заметив между камнями полуразрушенной древней арки крошечный удивительно милый цветок. Не думая о возможных последствиях, шагнула за ним через тонкую плёнку, неожиданно засиявшую на моём пути, и... Прохладные сумерки в одно мгновение превратились в раскалённый огонь. Жар, обдавший тело, ошеломил, а первый же судорожный глоток воздуха заставил сжаться от боли.

И вот теперь я, закашлявшись, сквозь слезящиеся глаза пытаюсь осмотреться и понять, как оказалась в бесконечной пустыне с огромным красным, источающим жар светиллом над головой, ведь вокруг, насколько хватает взгляда, один раскалённый песок. Всё настолько горячее, что кажется - начинаешь испаряться. Очень реалистичное ощущение!..

Недавних слёз уже и след простыл. Я даже слышу шипение, с которым они высохли. В доли секунды!

- Не мечтай сбежать, тварь.

Голос вопящего звучит злобно, яростно и устрашающе, но... Но меня он радует. Хотя что-то живое.

- Уж поверь, я не позволю жратве смыться!

Местное светило слепит немилосердно, и мне никак не удаётся рассмотреть кричащего. Плюс в одном – упомянутой твари тоже не вижу. Жар неумолимо давит, вынуждая сгибаться ниже. Как скоро толстая подошва сандалий раскалится и начнёт жечь мне ступни? Тогда я неминуемо рухну в этот пышущий огнём песок, и он изжарит моё тело.

Мысли несутся стремительно. Возможно, размышления о безрадостных перспективах – это способ не сойти с ума. От страха...

Песок передо мной вдруг начинает выпячиваться, превращаясь в холмик... вершинку... гору... И вот уже совсем рядом, заслонив раскалённый докрасна шар, высится чудовище!

Как относиться к появлению «стеклянного» зверя?.. Махина, в три моих роста и со шкурой, даже на вид очень твердой, мутноватой преградой встаёт на пути обжигающих лучей. Единственные яркие пятна в его облике – это глаза. Они тоже сверкают огненным пламенем. И смотрят на меня! А дальше чудовище открывает пасть – устрашающую бездонную пещеру, усыпанную осколками стекла. И они тоже слепят, заставляя щуриться и пятиться. Зверюга, кем бы он ни был, явно вознамерился распробовать жалкую гибнущую от жары личинку, то есть меня.

Писк, не родившись, застревает в груди. Я жалко сжимаюсь, понимая, что это странное перемещение в палящий мир завершится гибелью.

– Ага! Попался! Теперь я точно не сдохну тут ещё неделю. Выследил всё же.

Сердце замирает. Кому бы ни принадлежал этот ликующий голос, ему нужен этот зверь. Но, прежде чем я успеваю насладиться надеждой, стеклянная живность содрогается, истошно затрубив, и начинает крутиться на месте. Множество голубоватых искорок летит от него во все стороны. Воздух искрит напряжением.

Электричество?! В пустыне?! Откуда?!

Бах...

Туша валится на раскалённый песок, взметнувшийся шипящим дождём. Инстинктивно спасая кожу от смертоносных ожогов, я успеваю прикрыться полой накидки. И этим привлекаю внимание охотника.

– А это что ещё такое? Съедобное? Неужели мне повезло вдвойне?

Воздух рядом снова трещит, пугая меня ещё больше. Победитель чудовища решил поджарить и меня?

– Не-е-ет! – взвизгиваю я, не желая повторить судьбу стеклянной зверюги.

– А-а-а! – тут же раздаётся ответный болезненный вопль охотника. И звучит он как агония мученика, которого пытаются ультразвуком.

Так-то! Мало кто способен выдержать визг личинки. Вон даже кожа на зверюге местами лопнула, выстрелив мелкими осколками блестящих капель. Впрочем, возможно причина в раскалённом песке? Стоило монстру погибнуть, как механизмы, защищавшие его при жизни, перестали работать?

– Это ещё что за живность? – вопит мой нечаянный спаситель.

Я наконец его вижу и понимаю причину не приметности.

Силуэт преследователя от макушки до пят скрывал плащ, явно из шкуры такой же добычи. Затемнённое капюшоном лицо – единственное, что доступно взгляду, ведь сейчас мужчина его приподнял, чтобы утереть кровь из носа и, судя по следу, из ушей. Однако совсем не это поражает меня больше всего. Другое. В его тёмных глазах совсем недружелюбно светятся голубоватые искры.

Ой! Нет, нет! Не надо меня зажаривать! На этот раз я удерживаюсь от визга, лишь протестующе взмахиваю руками. А затем и вовсе прижимаю ладони к груди в умоляющем жесте.

Понял его незнакомец или нет, но разрядом не ударил.

Ш-ш-ш...

С тихим шипением подошва моих сандалий испаряется, и я, ощутив жалащие укусы боли, прыгаю с ноги на ногу. Охотник же, вскинув лицо вверх, восклицает:

- Скоро тут будет очень жарко!

Больше не обращая на меня внимания, он цепляет тушу гарпуном, что болтался у него на спине, и... на вид непринуждённо тащит зверя туда, откуда тот появился.

Очень? А сейчас, значит, вполне умеренно?! Желания проверить, насколько жарче, у меня нет ни малейшего. Чувствуя, что и так нахожусь на последнем издыхании, я бегу следом. Может быть, стеклянный монстр скользкий? Или охотник зверски силен? Мои мысли опережают ноги, хотя те весьма шустро подпрыгивают, следуя за размытым силуэтом мужчины, чья одежда определённо отражает свет местного светила. А вот у меня такой защиты нет. Но я не сдаюсь. Прыжок. Скачок. Почти догнала! В следующий миг застываю в растерянности. Это мой мозг, изнурённый жаром, решил сдать в борьбе за здравый смысл? Или незнакомец, предварительно зашвырнув в воронку зверя, прыгнул туда же, а зыбучий песок сомкнулся над его головой, и меня вновь окружила раскалённая пустыня?

Подошва жжёт ноги, глаза слезятся от жара, одежда ощущается горячей... Сколько я ещё протяну в этом пекле?

- И чего ты возишься?

Одновременно с рыком, от которого я вздрагиваю, из песчаных недр выныривает большая рука и хватает меня за лодыжку. Я и пискнуть не успеваю, как проваливаюсь под землю.

Открыть глаза безумно страшно. Я отфыркиваюсь, не понимая, почему ноздри и рот не забило песком. Впрочем, незнакомец так резко меня дернул...

- Предупреждаю, вздумашь пищать - прикончу и съем.

Мужчина прошипел это совсем рядом, подтверждая ощущения: он стоит за моим правым плечом. А в воздухе разливается знакомое мне потрескивание - охотник готов атаковать.

- Кивни, если понятно.

Конечно, я судорожно киваю. Кем бы ни был незнакомец, он - единственное разумное существо в этом ужасном месте. А оказаться в роли чьей-то пищи у меня желания нет.

- Не знаю, что ты такое, но надеюсь, для меня не опасное.

Мне вот тоже не понятно, где я и кто он. И этот стеклянный хищник... нечто невероятное. Страшно до одури, а спросить возможности нет. Приходится молчать и подчиняться.

Поворачиваюсь, осматриваясь, и первое, что замечаю, - нет темноты. Почему-то ожидаешь тьмы под землей. Однако причина тусклого свечения оказывается очевидной. Эта подземная пещерка служила норой зверюге, и здесь всюду - на стенах, потолке и целой россыпью под ногами - виднеются «стеклянные», порождающие тусклый свет чешуйки-осколки. Второе - о, счастье! - на одной из стен поблёскивают капли.

Вода?! Мысль толком не успевает оформиться, а я уже, подлетев к «стене спасения» и вытянув язык, собираюсь слизнуть спасительную влагу. Останавливает меня инстинкт самосохранения - я замираю, переведя вопросительно-умоляющий взгляд на своего спасителя.

Мужчина отшатывается. Оно и понятно. Выгляжу я сейчас как белёсое, лишённое пигмента и чётких черт лица существо с тусклыми прядками и розовыми глазами. Вряд ли он встречал кого-то безобразнее. Усилием воли глаза прикрываю и изображаю лизание.

В ответ он кивает! Большого мне и не нужно. С алчностью измождённого жаждой я накидываюсь на желанные капли.

О-о-о... Вкуснее напитка я в жизни не пробовала. Обволакивающий. Терпкий. Сладостный... Кажется, я даже постанываю от удовольствия. И только слизнув последнюю капельку, тяжело опускаюсь на песок на вмиг ослабших ногах.

Охотник, шагнув ближе, присматривается к тому, как дрожь начинает сотрясать моё тело.

- Так кто же ты? Я никогда не встречал на Идариане никого похожего. Ты разумное?..

Кивнув, я пытаюсь воспроизвести в памяти звёздную карту, которую нам показывал на занятиях воспитатель. Идариан... Ну да, была там такая планета. На окраине империи, в системе красного гиганта Тикос. Выходит, перекинуло меня очень далеко. А охотник - идарианец. Но мне это знание мало чем поможет.

- Говорить можешь?

Подумав, я отрицательно мотаю головой - мои писки он понять не способен.

- Ладно... - Мужчина оглядывается на тушу стеклянного зверя, от которой идёт аппетитный аромат. - Прежде надо насытиться. На пустой желудок рассуждать о проблемах - гиблое дело.

Вот! Едва он заговорил о еде, как всё стало понятно. Странное, сводящее с ума состояние, которое мешает думать и воспринимать окружающее, заслоняя даже страх, оказывается голодом. Наверху я потратила слишком много сил, а мне они сейчас необходимы. Чем восполнить потерю? Едой.

Сглотнув вязкую слюну, я напряжённо буравлю взглядом спину охотника. Он же, склонившись к туше, острым осколком звериной шкуры, подхваченным с пола, рассекает стеклянный светоотражающий покров. Сочный, до одури соблазнительный запах жареного мяса усиливается, и я с трудом контролирую себя. Рот наполняется слюной.

- Точно выдержать время, - довольное бормотание мужчины больше всего походит на разговор с самим собой, - вот где истинное мастерство охотника. Мало кто на это способен. Да только где это понять избалованным девицам. М-м-м... - Отхватив кусок, он с видимым удовольствием кладёт его в рот, а прожевав и проглотив, решает: - Идеально! Мясо пропеклось, но осталось сочным. Можно его...

Договорить он не успевает - застывает в изумлении, приоткрыв рот. Я это замечаю лишь краем глаза, когда проношусь мимо, стремясь к единственной важной для меня цели - насыщению. Остановить сейчас меня не могло бы ни стадо стеклянных монстров, ни целая армия охотников. Вот серьёзно!

Я ем, отрывая куски руками и зубами. Глотаю, не жуя и давясь от жадности. Кусок за куском, шмат за шматом... Мясо исчезает в моём чреве, размолотое острыми зубками. Я оставляю лишь голые кости гигантского инопланетного зверя. И приближаюсь к сытости.

- И что дальше?

Идарианец нависает надо мной, всё ещё с очевидным неверием осматривая фигуру. Да, вполне себе тощую в данный период развития. Никаких там выпуклостей или впалостей в рельефе. Разве что живот надулся плотненьким барабанчиком, возвышаясь и привлекая сторонний взгляд.

- Эй, существо? У тебя отменный аппетит.

Охотник легонько толкает меня ладонью в плечо. Наверняка прикидывает, способна ли я обглодать ещё и его. Пусть он большой, сильный и бесстрашный, но моя прожорливость его однозначно впечатлила, ведь я умудрилась слопать практически всю тушу огромной зверюги. Идарианцу досталось лишь то, что он успел выхватить до начала моего пиршества.

Со стороны это выглядит невероятно. В принципе, ненормально даже для меня – я раньше никогда столько не ела. Но причина проста: мой организм начал процесс трансформации и скорость метаболизма теперь зашкаливает.

Лениво приоткрыв один глаз, я смотрю на мужчину. Да, я оставила его почти без пищи и совсем без воды, но... Сейчас такие мелочи, как моральная сторона вопроса, меня совершенно не беспокоят. Даже жара перестаёт раздражать. Сытость принесла с собой удовлетворение, довольство всем и вся! Жаль, что лишь на время.

– И что прикажешь мне делать? Может быть, съесть тебя?

Веки я лениво опускаю: не интересно.

Таковы начальные этапы трансформации. Требуется прорва еды, а затем обязательный отдых, чтобы её переварить. А с ним приходит и полное безразличие ко всему. Тем более если бы охотник хотел остановить меня или помешать сожрать всю тушу – сделал бы это сразу. Но он лишь молча сидел, провожая каждый кусок потрясённым взглядом. Губы его шевелились. Считал калории? Или я выглядела как голодавшая с самого от рождения, и его скупое на чувства мужское сердце дрогнуло, допустив слабость. Вернее, позволив непонятному белокрысому измождённому и дрожащему недоростку сожрать всю добычу. Какой мужчина!

– Заморыш, ты что, спать теперь надумал?

Вот хорошая мысль! Но кивнуть тоже лень. И вообще, сомнительная нора непонятного зверя на жуткой пустынной планете вдруг увиделась мне в новом свете – стало даже как-то уютно...

Сообразив, что меня накрыло откатом и сейчас все ощущения и даже инстинкт самосохранения притупились, я касаюсь своего спасителя ладонью. Медленно и с ленцой – охотник не отстраняется.

Мои пальцы касаются руки идарианца, буквально потонув в большой мозолистой ладони. Сквозь приоткрытые веки я вижу: он внимательно наблюдает за манёвром. Вероятно, я пробудила его любопытство. Незнакомое существо, встреченное в этом пекле, добавило его жизни разнообразия. И он, возможно, всё ещё решает, что предпочесть: избавиться от осложнений в моём лице или позволить остаться?

Надеясь на второй вариант, я и стремлюсь к контакту. Мне нужна эта связь, чтобы послать мужчине едва ощутимый импульс одобрения, даже радости. Буду подпитывать его позитивом, стараясь создать располагающую к доверию атмосферу. Больше мне не на кого рассчитывать...

– Нашёл себе проблему. Должен делать всё, чтобы добиться женщины, а сам застрял тут с непонятной зверюшкой. К тому же прожорливой. Сажу в норе боргха голодный и боюсь шелохнуться, чтобы не потревожить зверёнка. Мне ж никто не поверит!

Шёпот едва различим. Я даже не сразу осознаю, что он реален, а не снится мне. Хотя моё состояние сном назвать трудно – просто организм, нуждаясь в срочной порции энергии для трансформации, сосредоточился на главном – переваривании богатой протеином пищи. А все реакции на внешние раздражители и эмоции блокировал, погрузив меня в состояние прострации. Теперь же я пробуждаюсь, и первое, что чувствую, – голова лежит на сгибе локтя идарианца.

– Вот и откуда это существо?! На мою голову...

Ничем не выдав своего пробуждения, спешно отправляю мужчине волну умиротворения и довольства. Охотник мне необходим, нельзя допустить расставания. В одиночестве я в этом мире не выживу.

– Беспомощное и слабое... Но ведь и не оставишь... – смягчаясь, бурчит он, попав под моё влияние. – Вот посмеются надо мной: ушёл в долину смерти добыть трофеи, чтобы привлечь внимание женщины, а вернулся с... питомцем.

Прислушавшись к установившейся между нами связи, я распознаю чувство горечи. О каких трофеях речь? Пока я мало знаю, но одно очевидно – мне достался не самый

счастливым и удачливым представителем местного населения. Однако выбирать не приходится – трансформация началась, а значит, именно его присутствие будет влиять на меня.

– Заделался нянкой. Сколько же можно спать? Откуда этот странный вид? Не знал, что здесь обитает такой... Да ещё настолько прожорливый. Или он наедается впрок, а затем может долго голодать?

Увы. В последнем я его точно разочарую. Мой бешеный метаболизм уже сделал своё дело – вчерашний обильный перекус остался в прошлом. Питательные вещества пошли на перестройку тела, желудок предательски пуст, а в горле вязко от жаркого воздуха. Как эти идарианцы тут выживают?!

– К чему мне эта обуза? – Даже с учётом моего влияния мужчину не отпускают сомнения. – Я должен хоть чего-то добиться. Приду с пустыми руками, и самая невзрачная простушка в мою сторону не посмотрит. Даже последним мужем меня никто не примет.

В моей душе рождаются сомнения: чего это охотник так сокрушается? Неужели такой опытный и бесстрашный мужчина может остаться одиноким? Или местные женщины так глупы?

– Сопит он тут, – тяжёлый вздох и сочувственный упрёк уже мне, вернее, тому неведомому полуразумному зверю, за которого он меня принимает. – Как ребёнок, в самом деле. То за считанные минуты сожрал целого боргха, то дрыхнет тут безо всякого страха. Проникся ко мне доверием? Как такого бросить?

Рука охотника в мимолётной ласке треплет моё ухо. Ну точно как питомца!

Мотнув головой, я чуть заметно подаюсь вперёд, сползая с плеча мужчины. Невольно поворачиваюсь к стене, где вчера нашлись капли воды. Пусть в меньшем количестве, но они на ней имеются и сегодня. Жажда тут же гонит меня вперёд. На четвереньках, по острым осколкам шкуры стеклянного монстра я ползу к желанной влаге, но, оказавшись у цели, пристыжённо замираю: действительно, веду себя не лучше зверя. Обернувшись к идарианцу, указываю подбородком на капли.

Охотник изумлённо приподнимает бровь, но понимает меня правильно. В один миг он оказывается рядом. Я же, наблюдая за ним, невольно сглатываю – пить хочется нестерпимо.

– Это тебе. – Слизав половину капель, мужчина показывает на оставшиеся пальцем, а затем и вовсе хватает меня за шкуру, намереваясь ткнуть носом в воду. Приходится взбрыкнуть, чтобы высвободиться. Послав охотнику гневный взгляд, я шустро собираю губами оставшуюся влагу. Её мало, но жажду всё равно утоляет. Непростая у них тут водица.

– Пора в путь, – бормочет себе под нос идарианец, – и так много времени потеряли. Вряд ли рядом есть ещё один боргх, они близко не селятся. Значит, нам необходимо добраться до озёр.

«Озёр»! Он сказал «озёр»! Звучит это слово немыслимо вдохновляюще. Я тут же вскакиваю на ноги, готовая следовать за нежданым спутником. Стараясь своим влиянием настроить его на оптимистичный лад, киваю: я согласна. Но идарианец не спешит. Присев возле обглоданного скелета, принимается вытягивать из-под него шкуру, усеянную прозрачными выростами-пластинками.

– Пригодится. Если не найдём у озера укрытия, чтобы восстановить силы, хотя бы скроемся под ней. Или ты можешь предложить что-то ещё?

Охотник смотрит на меня, очевидно вспомнив моё якобы здешнее место обитания. Приходится уставиться на него, недоумённо моргая.

– Откуда же ты тут взялся?..

Эх, я бы рассказала! Но он же меня не поймёт.

Впрочем, трудности взаимопонимания быстро уходят на второй план. Мой странный спаситель, накинув на меня кусок смрадно «благоухающей» шкуры, вдруг резко подпрыгивает вверх, обваливая утрамбованные прежним владельцем норы слои грунта. Песок течёт лавиной, словно только и ждал этого толчка. Не поэтому ли идарианец так спешил покинуть убежище? Знал, что без его привычного обитателя, массой тела вдавливающего песчинки друг в друга, полость быстро заполнится песком. Тем более мы нарушили целостность «потолка», спровоцировав начало разрушений.

Мои мысли скользят и перемешиваются, как песчинки в осыпающейся пирамиде, по которой упорно карабкается мой спутник, выбираясь наружу и волоча меня следом. Страшась подавиться песком, я отчаянно жмурюсь и прикрываю лицо ладонями. Даже палящие лучи местного алого солнца кажутся сейчас предпочтительнее смертоносного песочного душа.

Можно ли осуждать меня за то неопишуемое облегчение и радость, что накрывает с головой, когда идарианец наконец-то выдёргивает меня на поверхность? Едва не плача от счастья, забыв про всякую осторожность, я кидаюсь к мужчине, обхватываю его руками за плечи и прижимаюсь щекой к одежде, раздвинув шкуру. Страх заставляет тело дрожать, а дыхание с хрипом вырывается из лёгких. Проклятое место!

- Ну, ну... - Не ожидавший такого порыва охотник растерянно гладит меня по всклокоченным, напрочь забитым песком тусклым волосам. Впрочем, скоро я осознаю, что это он пытается расправить на мне полупрозрачную шкурку на манер капюшона, чтобы спрятать от палящих лучей. - Чего ты так волнуешься? Не бывал прежде в норе боргха? И как же ты дожил тут до сегодняшнего дня?..

Буквально отодрав меня от себя, охотник недоумённо качает головой. И тут же, чуть встряхнув, тянет за собой. Я послушно бреду, на каждом шагу увязая в песке и придерживая полы импровизированного плаща.

Далеко уйти не удаётся. Вновь подводит тонкая подошва сандалий, и я, вместо того чтобы спокойно шагать, прыгаю с ноги на ногу, с трудом сдерживая шипение. Охотник оборачивается, и в его глазах я вижу недоумение.

- Что с тобой? Что за ритуальные пляски? Это танец призыва? Ты зовёшь на помощь?

Впору застонать, но я лишь падаю на колени, подоткнув под них кусок трофейной шкуры. Ни шагу дальше! Дайте мне сгнуться тут, не мучайте больше.

- Заморыш, ты хочешь прилечь?!

Идарианец смотрит на меня абсолютно круглыми глазами. Нависнув надо мной, он приподнимает свой капюшон, впервые позволяя полностью рассмотреть своё лицо. И я при слепящем дневном свете отчётливо вижу смуглую кожу, широкий, слегка приплюснутый нос, тугие завитки мелких кудряшек, вырывающиеся из-под кожаного ремешка и падающие на лоб. Они немного смягчают выражение мужского лица, утяжелённого громоздким подбородком. А ещё частично скрывают неровный розоватый шрам, пересекающий лоб.

Сглотнув, я обессиленно пожимаю плечами. Как объяснить ему, что моя обувь не предназначена для раскалённой поверхности? Проще тихо тут сгнуться.

- Вот же камушек на шею себе повесил!

С этим раздражённым замечанием охотник вздёргивает меня вверх, вынуждая подняться, и тут же подхватывает на руки. Я едва не плачу от облегчения, осознав, что мужчина не собирает меня тут бросить. Больше того - намерен нести на руках! Такой подвиг мне и в самых радужных мечтах не представлялся. Переполненная благодарностью, прикинув к его груди, я посылаю настолько сильную волну воодушевления, что идарианец даже спотыкается. Но всё же несёт меня дальше.

Равномерное покачивание успокаивает, и я расслабляюсь, надеясь, что идти не далеко. Увы... Ещё как далеко. Невообразимо далеко! А местное кровавое солнце облегчать нам путь не желает. Слепит, нагревает воздух, высушивая и рождая марево жара. Жизнь на корабле воспитателя не подготовила меня к настолько суровым условиям. Временами я

отключаюсь, измученная жарой и жаждой. Воспоминания о каплях влаги в норе чудовища воспринимаются как пытка. Понимая, что не выдержу, с трудом шевеля потрескавшимися губами, я слабо пишу.

- По... терпи, - натужно выдавливает идарианец.

Я скорее чувствую, чем слышу его ответ. Ему определённее труднее. И тем страшнее становится мне. Что будет, если он сдастся и рухнет на раскалённый песок? Ведь мы погибнем в этой пустыне, простирающейся до горизонта.

Из последних сил снова и снова посылаю мужчине волны поддержки и убеждённости в благополучном исходе. Каждый раз чувствуя, как отчаяние и усталость в его душе берут верх, прогоняю их ветерком надежды. Это единственное, чем я могу помочь ему. Нам! Укрепить его дух...

Но и мои силы, подточенные потрясением, голодом и жаждой, в конце концов заканчиваются. Я уже не держусь, безвольно повиснув на сильных руках охотника, сосредоточившись на одном - поддержании его веры. Тьма забытья неумолимо обступает, но всё же я, в последнем отчаянном усилии удержаться в сознании, понимаю, что идарианец ещё идёт, и слышу тяжёлые удары его сердца.

- Малыш... очнись... потерпи... мы... дошли...

Я лежу? Вдруг понимаю, что нет больше поддержки рук и мерного покачивания. Невероятным усилием приподнимаю веки и вижу... озеро! Самое прекрасное видение в моей жизни. Такое яркое, наполненное поразительно сочными оттенками салатого - от насыщенного и густого цвета молодой зелени, плавно переходящего в желтоватые оттенки, до едва приметного зеленоватого отлива на белом искрящемся фоне бортиков. Они, где-то видные под водой, где-то выступающие на поверхность замысловатыми узорами, делят озеро на множество крошечных заводей. Вода в них кажется до того голубой, что режет взгляд.

Мой организм, почувствовав близкое спасение и отыскав скрытые резервы сил, рвётся туда. К воде! Я ползу прямо в шкуре чудовища по раскалённому, пышущему жаром песку. Всё заслонила собой потребность окунуться в воду.

- Не вздумай!

Резким рывком меня возвращают на исходную позицию. И в реальность. То есть к мыслям о моём спутнике. Зачарованная видом водоёма, я совершенно забыла о нём. А сейчас, мучительно пытаюсь шевельнуть во рту распухшим языком, смотрю на идарианца и на то, что окружает нас... Всё та же рыже-жёлтая пустыня с одной стороны и каменные нагромождения с другой. Остатки гор? Не важно. Главное, они дают тень, укрывая от прямых лучей солнца. Или солнц? Почему-то светило двоится в моих глазах.

Охотник же яростно кромсает осколком звериной шкуры огромный выпуклый нарост на ближайшем торчащем из песка скальнике. Более того, отступив на несколько шагов, он ещё и ударяет в него стремительными белыми молниями, выстреливающими из его ладоней. Они оставляют тёмные опалённые пятна на поверхности нароста.

Голубоватые искры, отлетающие в сторону, и характерное потрескивание я узнаю. Так вот как он одолел зверя! Этими разрядами энергии! Но смысл действий мужчины волнует меня в последнюю очередь. Я изнываю от жажды, а вода так близко! Отчего же охотник не пускает меня к ней?

Невольно вновь устремляюсь к водоёму и снова чувствую крепкие мужские пальцы, сомкнувшиеся на лодыжке. Очередной рывок. Стеклопанная поверхность шкуры идеально скользит по песку - я тут же оказываюсь у ног идарианца и, не скрывая ярости, взвизгиваю!

Мужчина шипит, мгновенно скидывая обе руки, чтобы закрыть уши, над нами раздаётся глухой хлопок, а на моё лицо, больше не укрытое спасительным плащом, падают капли влаги!

Охотник мгновенно разворачивается, забыв обо мне, и из его горла вырывается радостное восклицание. Причину я тоже вижу - терзаемая поверхность наконец-то

поддалась. Нарыв вскрылся, а внутри обнаружилась сочная мякоть. Именно её освежающие капли и попали на мою кожу.

Однако стоило защитной скорлупе лопнуть, как жар принял за спасительный клад. Теперь шипение испаряющихся капель наполняет пространство вокруг. И снова моё тело реагирует быстрее разума. Уже не думая об озере, я вскакиваю на ноги. Но мне не позволяют прикинуть к сочной и явно освежающей мякоти.

- Не теряй время! Если будем возиться долго, воздух высушит всё раньше, чем мы заберёмся внутрь! - рявкает идарианец и принимается безжалостно выгребать мякоть, бросая её прямо под ноги. Оказавшись на раскалённом песке, она тут же начинает шипеть и подрагивать, испаряясь и уменьшаясь прямо на глазах.

Он хочет запахнуть нас в эту густую освежающую ванну? О, да! Чем бы это ни было, но я и не думаю спорить. Более того, бросаюсь ему помогать. Вот только ладони, вырвав мякоть из развороченного сочного нутра, против воли подносят её к лицу. Ну не могу я запросто отшвырнуть величайшую сейчас ценность - влагу!

Каким же блаженством становится ощущение прохлады! Не думая об угрозе отравления, я втягиваю губами крошечный кусок... О, счастье! Мякоть оказывается растительной, наполненной чуть сладковатым освежающим соком.

- Ты нас погубишь! - Идарианец, отвесив мне ощутимую оплеуху, чудом не сбивает меня с ног. - Залезем внутрь, и ешь сколько захочешь! А пока...

Он, бесцеремонно сдернув шкуру, вталкивает меня в уже довольно глубокое место прорыва, а я зажмуриваюсь и рьяно вгрызаюсь в сочную мякоть, помогая себе руками и упираясь ногами. Чудо какое-то! Посреди этого палящего ужаса. Настоящий клад!

Питаться! Питаться! Вода и пища - вот единственное, чего сейчас жаждет моё тело. Изнурённый трансформацией, организм личинки с жадностью восстанавливает силы. Усталости как не бывало, я превращаюсь в механизм, в буквальном смысле пожирающий мир вокруг.

- Этого я как-то не учёл...

Голос идарианца, последовавшего за мной через несколько минут, звучит более чем потрясённо. Настолько потрясённо, что я даже оглядываюсь, на миг прекращая питаться. Реакция, в общем-то, понятная - за эти минуты я умудрилась проесть пространство, вместившее и меня, и этого крупного мужчину. И теперь охотник изнутри тщательно затыкает незаменимыми шкурами место разрыва в прочнейшей окаменевшей броне.

Чем уже становится отверстие, тем меньше света проникает к нам. Но мне хватает последних бликов, чтобы заметить на усталом лице идарианца вновь округлившиеся от изумления глаза и озадаченность моей непомерной прожорливостью.

- Пожалуй, если я ещё повременю, то снова останусь голодным, - бурчит он в темноте, отгородив нас от убийственного света и жары.

Дальнейшие наши устремления оказываются схожи - мы принимаемся есть!

Первым насыщается мужчина. Я же лишь немного сбавляю темп и начинаю прислушиваться к эмоциям своего спутника, с которым мы соприкасаемся телами. В них ощущается довольство, облегчение, гордость собой и, что меня больше всего удивляет, затаённая благодарность. Кому?..

С сытым вздохом оторвавшись от еды, я расслабленно обмякаю, и охотник тут же понимает, что я уgomонилась.

- Наелся, заморыш? Не представлю, сколько корма нужно, чтобы тебя вырастить.

Намёк на то, что меня не прокормить, - очевиден. Только вот мужчина не знает: прожорливость - временное явление. Когда трансформация подойдёт к завершению, мои аппетиты станут весьма скромными.

В качестве безмолвного ответа, прижавшись щекой к его плечу, я посылаю мужчине волну тепла и покоя. А затем и вовсе, на шарив в темноте его руку, осторожно глажу тыльную сторону ладони.

- Радуешься? - Охотник понимает мой жест по-своему. - Верное дело! Повезло нам немерено. Трижды я бывал в этих местах, но не замечал разросшегося толба.

Явно он говорит о растении, что обеспечило нам убежище. Да ещё какое! Тут и еда, и питьё, да ещё и приятная освежающая атмосфера.

Давая понять, что солидарна с ним, я вновь глажу мужскую ладонь. И тут же распознаю в душе идарианца отклик - искорки тепла, даже радости. Вероятно, он доволен, что не одинок сейчас? Наверное, общество бессловесной твари предпочтительнее одиночества.

- Ты мой счастливый талисман! Зря я всю дорогу ругал себя, что не оставил тебя ещё там, у норы боргха. Голод и жажда едва не доконали меня на этот раз. Как же тяжело давался каждый шаг! Но за мысли о тебе я цеплялся всякий раз, когда готов был рухнуть на песок и смириться со смертью.... И даже сейчас, когда ноги и руки гудят от напряжения, я рад, что не поддался слабости.

Снова погладив его ладонь, я сворачиваюсь клубочком возле тела охотника.

- Но это ничего. Отдохну и снова буду в порядке. А вот если бы не ты, я бы пошёл напрямую к последнему приюту. И наверняка не дошёл, не осилил путь, который почти вдвое длиннее! А так... направился сюда, надеясь укрыться в тени камней. И что же нашёл вместо этого? Толб! Растущий у смертоносного озера, заполненного соляным раствором. Попробуй ты эту «воду», и тебя ждала бы верная гибель.

Находке я радуюсь ничуть не меньше, блаженствуя в сытости и кажущейся безопасности.

- Теперь уже точно дойдём, - продолжает размышлять вслух идарианец. - Отоспимся и двинемся в путь, запаса сил хватит до границы опасных земель.

Ах, вот как?! Есть ещё и не опасные? В моей душе рождается ликование. Вдруг окажется, что с планеты можно связаться с ледвару? Это стало бы вершиной удачи. Тут же послав сознанию мужчины поток уверенности и облегчения, я стараюсь укрепить его веру и поддержать возникшее желание говорить.

- Это хорошо, что мы встретились. Не тревожься о будущем. Выберемся отсюда, я тебя не брошу, буду заботиться.

Заявление звучит впечатляюще, учитывая, что он считает мою прозорливость нормой. Невероятный мужчина! Он не из тех, кто бежит от трудностей.

- Приятно чувствовать рядом живое существо. Я в своей одинокой жизни уже и забыл, как это бывает. Но стоит прислушаться к знакам судьбы. Явно мне не суждено познать радость выбора и тем более отцовства. Но у меня появился питомец. Буду заботиться о тебе. Слышишь, заморыш?

Он треплет меня по волосам, не сразу нащупав в темноте голову. А я невольно подаю навстречу мужской ладони - такой приятной оказывается ласка.

- Всё ты понимаешь.

В голосе охотника слышится удовлетворение. И он действительно в этот момент его ощущает - уж я об этом позаботилась. Сейчас, когда мы с ним совсем рядом, так просто пропускать через себя все его эмоции. Больше того - корректировать их!

За прошедшее с момента встречи время связь между нами усилилась. Кем бы ни был этот идарианец, скитающийся в смертоносной пустыне, но он - моё спасение. Уберёт от неминуемой гибели, запустил процесс трансформации, стал тем объектом, на котором сконцентрировались мои способности ледвару.

- Рядом с тобой даже как-то спокойнее, - неосознанно он так и продолжает ворошить мои спутанные волосы, рассуждая вслух. - А я прежде не понимал тех, кто заводит себе

кролгов и привязывается к ним.

Кролги? Подозреваю, что это местная разновидность домашних питомцев. Что ж... раз ему спокойнее видеть во мне кого-то подобного, так тому и быть. А уж я позабочусь, чтобы у него и мысли не возникло, что я могу нести угрозу.

Поэтому старательно отслеживаю все изменения эмоционального фона мужчины, не допуская тревоги. Малейшую вспышку нежелательных для себя ощущений тут же стараюсь осторожно смягчить и заменить другими, более безопасными эмоциями – верой в свои силы, надеждой, самоотдачей.

– Вот интересно, – оживляется идарианец, поёрзав в окружающей нас освежающей массе, – а можно обучить тебя языку жестов? Или письменности? Ты же точно всё понимаешь, я чувствую.

Заявление меня радует. Если трансформация будет долгой, мне всё равно придётся искать способ общения. Стараясь не слишком усердствовать, я скольжу ладошкой по руке отдыхающего рядом мужчины и сосредотачиваюсь на восприятии его ощущений. Благодарность, спокойствие, убеждённость и даже намёк на любопытство. Последнее меня настораживает: о чём он размышляет сейчас, какие догадки строит?

По воле непредсказуемой судьбы, оказавшись в этом совершенно чуждом мире, мой организм вынужденно выбрал этого мужчину и начал меняться. Наша встреча, возникшая связь, необходимость сдерживать голод, терпеть жажду и последующее обильное пиршество... Всё это подстёгивает организм и ускоряет процесс трансформации. Моё личиночное существование скоро останется в прошлом. Теперь процесс необратим и зависит только от этого незнакомца.

– Вот странно... – Охотник ловко перехватывает мою ладошку. Накрывает её другой рукой, успокаивающе погладив, когда я напряжённо вздрагиваю. – Мне казалось, что она у тебя меньше...

Какой наблюдательный... Сейчас окружающая тьма – благо. Она спасает от изнуряющих лучей красного светила и скрывает от мужчины выражение моих наверняка испуганных глаз.

– Хотя чему тут удивляться, – негромко хмыкает он, – если столько есть, то неизбежно вырастешь. Знать бы, до каких размеров? Что, если ты и в жилище не влезешь, а я уж решил оставить тебя? А то сгинешь ведь, заморыш, если объедаешь будет некого.

Обрадовавшись, что идарианец остановился на самом простом объяснении, я спешу умерить его любопытство. Нужно настроить охотника на расслабляющий лад. Погрузить в дрему. Ему требуется восстановить силы, да и мой поглотивший немереное количество пищи организм тоже готов отключиться. Личиночный метаболизм во всей красе – когда питательные вещества идут на перестройку тела, нужен период покоя.

Напоследок изучающе скользнув по эмоциям охотника, я убираю отголоски насторожённости в уплывающем в сон сознании мужчины. Это та малость, которой я могу его отблагодарить. Воспитатель учил нас делать всё для объектов сближения, чтобы для них наше присутствие рядом было приятным.

Свернувшись в комочек, расслабляюсь. Последнее, что чувствую, – вполне себе братские, дарующие безопасность объятия соседа по ночёвке. И не удерживаюсь, последним усилием засыпающего сознания наполняю его эмоции ощущением ласковой неги. Мне хорошо и спокойно рядом с ним, так пусть идарианец тоже уснёт счастливым.

И на этот раз «соней» оказываюсь я. Когда открываю глаза, мужчина уже сидит рядом. В темноте не сразу его заметив, я на миг пугаюсь и даже подсакиваю, но тут же слышу знакомый голос:

– Горазд же ты спать. Я уже начал опасаться, что завязнем тут надолго.

Не зная, как выразить недоумение от таких предположений, требовательно скребу короткими ноготками его руку.

– Если намерен есть, то немного, а то вновь потянет в сон, на этот раз вечный.

Ощувив в словах неведомую, но явную угрозу, я невольно сжимаю его руку сильнее, а идарианец продолжает просвещать всполошившегося подопечного – меня.

– Дармовое лакомство только в ловушках бывает, запомни! Вот и тут так же. Вкус и сладостная свежесть мякоти толба не отпускают. Всякому захочется побыть здесь подольше, покорённому мыслью о беззаботном отдыхе. Но за прохладой и умопомрачительным вкусом скрываются неприметные пары, выделяемые растением. Они одурманивают, погружая в плен забвения. А толб тем временем начнёт переваривать тебя, растворяя в этой сладости. Ему тоже необходимо питание – животные, проникшие сюда, часто здесь же и остаются. Но мы-то с тобой достаточно разумны, чтобы не погибнуть так нелепо, верно?

Сглотнув, я давлюсь шматом сочной мякоти. Даже потребности личинки отступают перед угрозой гибели. Охотник же коротко хмыкает, отреагировав на исчезновение характерного хруста пищи на моих зубах.

– Немного можно. Сомневаюсь, что такое везение повторится, теперь пищи и воды не увидим до «Последнего Приюта». Но не увлекайся. А я пока прорублю нам путь наружу.

Он не шутит. Не представляю, как долго мы спали, но на месте вчерашнего прорыва сегодня глухая пробка – идарианец отодрал шкуру местного хищника, а света я не вижу.

Растение замуровало свою добычу, и моему спутнику приходится приложить немало усилий, чтобы пробиться на свободу. Кошмарный мир!

Сглотнув такую желанную ещё миг назад освежающую сладость, я явственно чувствую тошнотворный привкус смерти. Конечно, это сказались испуг и разбушевавшаяся фантазия, но я в какой уже раз мысленно благодарю судьбу: закинув меня в такие дали, она хотя бы дала мне шанс на спасение в лице этого охотника.

Первым из «нарыва» выпрыгивает мой спутник. Помогает выбраться мне и сразу нахлобучивает поверх пропитавшейся сладковатой влагой личиночной, когда-то белёсой, накидки всенепременную шкуру стеклянного монстра.

Пусть моё тело тут же окутывается облаком пара, а слепящий дневной свет вынуждает щуриться, но я нисколько не жалею о расставании с обманчиво идеальным толбом.

Б-р-р... А ещё с особым рвением посылаю охотнику волну восторженного облегчения. И чуток перебарщиваю – бедняга, пошатнувшись и ошалев от необъяснимым образом накативших чувств, спешно кидается меня утешать:

– Не отчаивайся и не бойся. Я понесу тебя очень осторожно и так быстро, как смогу. Мы доберёмся до приюта.

Отрицательно мотаю головой. Сейчас не думаю даже о том, что шкура съехала на плечи, открывая лицо и голову безжалостным лучам. Меня снова трясёт – начался новый этап трансформации. Но как разъяснить это охотнику?..

– Испугался? Натерпелся? – по-своему истолковывает он мой жест. – Ну теперь поймёшь, что из меня выйдет хороший хозяин. В обиду не дам и голодным не оставлю. – Охотник глухо смеётся, поплёскивая из-под капюшона лукавым и немного грустным взглядом. – Вот бы наши глупые и избалованные женщины так ластились. Им-то узнать меня таким шанса не представится. Эх, спасти б кого из них... Тогда, может, оценили. А так – урод да неумеха... Да и от кого их спасти? Все женщины живут в комфортной и безопасной части Идариана... Ну хоть ты-то меня будешь ценить?

Последнее точно шутка. И он сам смеётся над ней, одновременно поднимая меня на ноги. И тут же замирает, с удивлением осматривая. Прислушавшись к эмоциям, распознаю вспыхнувшую в душе насторожённость. Что на этот раз?!

– Ты стал выше! Точно выше... – Мужчина подступает вплотную. – Почти по плечо мне, а был ниже груди! Как же быстро... И до каких размеров вырастешь?.. Ох, намучаюсь я ещё с тобой – чувствую.

Пока охотник, обернув меня шкурой, подхватывает на руки, стараюсь развеять его эмоциональное напряжение. Уж лучше внушу ему незыблемую уверенность в своих

силах, которые ему сегодня понадобятся. А до ответов на вопросы осталось совсем недолго...

Снова проваливаюсь в сон. Моему организму требуется полная концентрация сил, и я вынужденно оставляю того, на кого настроено моё восприятие, без контроля. Остаётся надеяться, что он не бросит меня сейчас, раз уж не сделал этого прежде.

- Возжусь с каким-то зверённышем как с дитём родным... Оттого и ташу этого немощного с собой, что уже сам понимаю - нет шанса воспитать кого-то ещё. О собственных детях планов уже не строю - понятно, что и после третьего испытания Долиной смерти меня никто не выберет. Привлекательнее для женщин я от этого не стану. Одни слова про доказательства доблести через преодоление испытаний. Другие, что красивее и разговорчивее, проходят их формально, не отдаляясь серьёзно от «Последнего приюта». Я же трижды был в самой долине, смог выжить там и даже освоиться. Но кого это волнует? Точно не разодетых в воздушные одежды и дни проводящих в окружении своих гаремов женщин. А такого, как я, любая побойится приблизить к себе.

Унылое бормотание постепенно возвращает меня в реальность. Ещё не полностью очнувшись от забытья, я начинаю прислушиваться к словам уставшего идарианца, осознавая, что тот продолжает тяжело шагать. Он всё ещё идёт? Неужели так далеко?

- Выхожу его - хоть какое-то живое существо рядом будет. Понятливый, обучить попробую. Наверное, и пользу приносить сможет, к примеру, неожиданных визитеров спровадить или по хозяйству что сделать... - продолжает он рассуждать вслух. Впрочем, голос звучит так тихо, что я едва могу разобрать слова. А уж что творится в его душе в этот миг! Смесь тоски, грусти и безнадежности. - Женщины? Мне пора перестать думать о них. Их меньше, значит, кому-то из мужчин предначертано остаться в одиночестве. Раз я родился таким увальнем, к чему мечтать о несбыточном? Представлять себе её - тёплую, живую, покорную - рядом. Изводить себя фантазиями о прикосновениях к нежной коже, длинных шелковистых волосах, пряди которых пропускаешь сквозь пальцы, искать во снах взгляд зеленовато-голубых, как воды солёных озёр, глаз, представлять сладость пухлых губ. Зачем убеждать себя, что достоин счастья касаться мягких изгибов её тела, ночами искать возделенного забвения в тесном плену её объятий. Семьи, детей...

Идарианец даже шипит, так сильно задевают его эти мысли.

- И для полного идеализма ещё и размечтаться о женщине рядом, что ценила бы не за пустые льстивые речи, а за поступки. Уж я бы доказал, что достоин стать избранником... Да где ж найти такую?! Скорее этот песок под ногами превратится в плодородную равнину, чем наши женщины доверятся истинным предпочтениям и чувствам. Не так их воспитывают, слишком балуют и нежат. Но неужели я недостойн доверия, права дарить его самому и заботиться? Или, может быть, я должен был родиться на другой планете? Оттого и не могу смириться с отвратительным ощущением лживости принятых канонов и двойственности общественных суждений?

Испугавшись пучины отчаяния, в которую с каждым словом всё больше проваливается мой спутник, я спешно посылаю ему эмоциональные волны поддержки - надежды на лучшее, веру в чудо, в свои силы. Ведь шанс на перемены есть всегда и у всех, мне ли не знать? А сейчас этому мужчине необходима надежда. И мне отчаянно хочется подарить её ему. Он достоин! Их женщины могут не знать этого, но совсем скоро я смогу рассказать им...

- Или это усталость, или ты толстеешь прямо на глазах! А, заморыш? Твоя прозорливость выйдет нам боком. Придётся придумывать тебе кличку посolidнее. Что думаешь насчёт Обжоры, Толстячка или Неподъёмного?

После моего вмешательства эмоциональный фон идарианца изменился: тоска и обречённость рассеялись, им на смену пришла весёлость. Мне показалось, что именно она, как ничто другое, поддержит охотника в последние часы пути. Однако он прав - моё тело растёт. Сейчас, в период «сна», особенно интенсивно. Совсем скоро моё тело изменится, приобретя окончательный облик, и факт перемен станет очевиден.

Бросив взгляд на неизменно пышущую жаром поверхность под ногами, замечаю, что песок стал уплотняться. Неужели мы близки к краю пустыни? Прижавшись к груди

мужчины, обнимаю его за шею. Тактильный контакт облегчает восприятие эмоций. Мужчина сейчас задумчив и напряжён, словно мысленно готовится к чему-то неизбежному. Или он размышляет о проблемах? Даже из того, что он уже рассказал, понятно – по возвращении его не ждёт ничего хорошего.

- Ластишься? – Как ни стараюсь я касаться его шеи незаметно, а идарианец это замечает. – Напугал я тебя? Не тревожься, не брошу. Даже если станешь размером с целое жилище.

Пусть он и говорит с усмешкой, но я чувствую – радости в душе нет. А ведь мой будущий облик зависит именно от объекта связи. И раз уж им оказался угрюмый охотник – единственный, кто оказался на моём пути, – я стану воплощением именно его фантазий. Как он воспримет это?..

- Жажда сильно мучает?

Вместо ответа я опускаю голову на его плечо – пытаюсь дать понять, что способна ещё продержаться. Идарианец подкидывает меня, перехватывая удобнее, и идёт, идёт, идёт...

Сколько же ещё? Голод усиливается, а с ним и чувство слабости – моему телу требуется подпитка, а иначе... Остановиться в шаге от трансформации, навечно оставшись личинкой – бессловесным существом с безликим телом, кожей и волосами, лишёнными пигмента, и блеклой радужкой? Хуже этого сложно что-то придумать. От волнения я невольно ёрзаю, стараясь подавить уже собственную панику.

- Неужели опять проголодался? – прозорливо реагирует на мои движения охотник. Теснее прижимает к себе, словно бы стремясь ободрить, – у этого сурового мужчины сквозь внешнюю броню неприступности нередко проступает чуткость. – Теперь уже жди. Нам осталось добрести до разделительных гор. Они как раз на границе жаркой половины Идариана. Там поешь и попьёшь вволю.

Порыв – выглянуть из-за укрытия – я подавляю. Не нужно доставлять мужчине лишних трудностей. Ему и так непросто.

И до конца пути я, по мере угасающих сил, корректирую эмоциональный фон моего спутника. Его усталость – и физическая, и моральная – огромна. Не многие на его месте выдержали бы это испытание.

- Добрались...

Голос идарианца звучит совсем слабо, когда он, обессиленно припав к какой-то стене, позволяет мне съехать вниз.

Чувствуя, что ноги дрожат, я адаптируюсь к новому весу моего тела, поспешно стягиваю с головы шкуру боргха и потрясённо выдыхаю – вокруг совсем темно. Наступила ночь?

Невольно разворачиваюсь и замечаю яркое пятно за спиной. Мы вошли в какое-то подземелье. Охотник же безрадостно смеётся:

- На этот раз путешествие далось мне дорого. Мне сейчас почудилась у тебя талия, а, Заморыш? У тебя талия, только представь такое чудо! Видимо, проняло меня этим пеклом.

В потёмках он не видит, как нервно я сглатываю. Талия – это он не с перегрева нафантазировал, когда пытался придержать моё сползающее вниз тело. Сейчас, балансируя на ногах, я отчетливо понимаю, что центр тяжести сместился. Моя трансформация идёт полным ходом – начали проявляться формы, пока сокрытые шкурой и полутьмой.

Присев, касаюсь ладонями лица идарианца. В его душе чувствуется тревожная пустота, как если бы ему вдруг всё стало безразлично.

- Не волнуйся, – верно понимает он моё беспокойство. – Мне лишь надо немного времени перевести дух. Ноги гудят...

Удивляюсь, как он их вообще не прожарил насквозь! Из чего тут делают подошву обуви?

Или у местных жителей врождённая невосприимчивость к высоким температурам?

Вопросы вопросами, а я не забываю прислушиваться к эмоциям своего спутника. Чем бы ни было это место, но здесь жара ощутимо размывается волнами прохлады, идущими из недр тёмного тоннеля. Изнурительный путь завершён. Но где же облегчение и радость? Уныние, сомнения в себе и печаль переполняют идарианца. Говорит он одно, а чувствует совсем другое.

Старательно подавляя одуряющее чувство голода, продолжаю гладить своего спасителя по руке. Я пока не могу отказаться от прямого тактильного контакта, а вот когда трансформация завершится, тогда перестану в нём нуждаться и разорву эту связь. Но при этом на всю жизнь останусь с обликом, что подарит мне мой спутник. Какое странное переплетение судеб! Оно так мимолетно, но при этом невероятно значимо. Для меня... А что же с объектом связи?

Впервые мне пришла в голову эта мысль. Предполагается ли с моей стороны ответственность за временное слияние? Или я достаточно заплатила? Ведь без моей поддержки он бы не вернулся из пустыни.

- Пора. - Наконец идарианец поднимается и устало скатывает свою шкуру в тугий ком. Тяжело вздыхает и, не сразу нащупав в полутьме, треплет меня по плечу. - Заморыш? Ты, должно быть, напуган. И зря! Мы в переходе, это горный тоннель, он выведет нас на другую сторону разделительных гор - к живой части Идариана. Идём.

Послушно топаю за ним. На попытку забрать у меня шкуру не поддаюсь - пусть считает, что не поняла намерений. Истинная же причина в том, что я боюсь наступивших перемен. Что, если, будучи связанным со мной, идарианец чаще всего мысленно вспоминал какую-нибудь страшную родственницу? Или, что тоже вероятно, ненавистного мужчину-соперника?

Идём мы совсем недолго. Неожиданно остановившись, мой спутник усаживает меня на сиденье с твёрдой спинкой. Сам чем-то шебуршит чуть впереди. Мигом позже совсем рядом, высвечивая панель управления, вспыхивают зеленоватые огоньки. А затем сиденье подо мной вибрирует, устремив наши тела вперед. Технологии?! Едва не подпрыгнув от облегчения, я ощущаю небывалый прилив воодушевления. Это всё же развитой мир!

- Не дёргайся, это безобидная путевая лента. В таких тоннелях она позволяет быстро перемещаться и перевозить грузы.

Какие?! Мысль резонная. Но увы, безответная... Однако возможность путешествовать сидя очень кстати. словно случайно дотрагиваюсь до руки охотника, прислушиваясь к его ощущениям. В душе мужчины царят смирение и готовность принять любой поворот судьбы - он успокоился.

Почему-то я жду момента, когда впереди появится пятно света, означающего выход. Мне стало казаться, что в этом мире не бывает тёмного времени суток. Но вместо этого над головой вижу звёзды. В лицо веет свежий ветерок, а растительный аромат заставляет замереть от ощущения необъяснимого счастья. Восторженно верчу головой, пытаюсь хоть что-то разглядеть в окружающих потёмках. Это ведь совсем иная темнота, вовсе не гулкая и угрюмая чернота тоннеля. В свете множества звёзд я отчетливо различаю деревья, силуэты вздымающихся позади них гор, какие-то блики...

- Вот и добрались. - Едва движение прекращается, охотник сходит с подвижной ленты, увлекая и меня за собой. - Это «Последний приют». Сейчас я тебя накормлю.

Он вновь тянет на себя мою шкуру, а я, радуясь потёмкам, выпускаю скрывающий правду о переменах во внешности покров. Наверняка мои кожа и волосы уже имеют пигмент, и при свете было бы невозможно скрыть преобразование.

Шагая за идарианцем, я упиваюсь комфортной температурой воздуха и многообразием окружающих ароматов. Ожидая увидеть строение, в котором могут остановиться для ночёвки путники, ошибаюсь. Стоит нам подойти ближе, как во мгле отчетливо различаю контуры... шатров? Палаток? Это явно временный лагерь.

- Посиди тут, - просит идарианец, остановив меня возле границы огороженной территории. Усадив на свёрнутую шкуру, предупреждает: - Не шуми и не уходи. Сейчас время ночного сна, не стоит беспокоить других. Возможно, мы не единственные пришли из долины смерти. Я договарюсь о месте и еде для нас.

Я с облегчением киваю. Пусть желание узнать о мире вокруг огромно, но сил совсем нет. Голод и жажда так сильны, что мне страшно навредить своему телу, нарушив процесс завершения трансформации.

Отсутствует охотник недолго. Я вижу смутное движение впереди, слышу негромкий говор, который долетает до меня лишь гулким откликом, и вот уже мужчина стоит рядом, нагруженный какими-то мешками.

- Идём. - Махнув мне рукой, он направляется к одному из шатров. - Это наше пристанище на ближайшую ночь. А вот, - он с невероятным облегчением сбрасывает на землю два тяжелых мешка, - еда. Можешь поесть. Я пока разверну подстилки для сна.

Второго приглашения мне не нужно! Ароматы снеди, что явственно источают мешки, уже привлекли моё внимание.

Распотрошив ближайший, я едва ли не с головой зарываюсь внутрь. Потребность насытиться настолько неодолима, что я, забыв обо всём, не глядя разрываю руками местную пищу, отхватываю зубами солидные куски и глотаю едва ли жуя. Время остановилось, я не думаю ни о чём, пока не утыкаюсь в полотняное дно первого мешка.

- Ух ты! - Свидетель моей жадности со смехом комментирует мои потуги перекинуться на второй мешок: - Так и знал, что могу опоздать. Дай-ка и мне перекусить! Предвижу, что остаток жизни буду работать на твоё пропитание...

Он настойчиво тянет припасы из моих загребущих рук, а я чувствую, что краснею. Вот! Явный признак завершающейся трансформации. Сейчас, когда я получила новую порцию питательных веществ, можно не сомневаться - к утру я обрету облик, что останется со мной до конца жизни. Но любопытство не особенно мучает - всё заслоняет усталость.

- На, доедай. Вижу даже в темноте, как глаза сверкают. Если будешь так наблюдать за каждым моим укусом - подавлюсь.

Едва ли охотник взял многое - мешок вернулся ко мне таким же тяжёлым. Смутившись, я вновь принимаюсь за еду. Голод немного стих, но всё ещё заставляет меня желать продолжения пиршества. Однако сейчас я ем уже более сдержанно, чувствуя пристальный взгляд мужчины. А вот в его эмоциях ощущается искреннее любопытство и даже умиление - передавая мешок, он коснулся моих пальцев.

Идарианец, хоть и голоден не меньше меня, жуёт неспешно, даже рассеянно, думая о чём-то своём. Насытившись, отпивает из округлого кувшина, прежде чем протянуть его мне. С вожделием припав к горлышку, я посылаю своему заботливому спутнику благодарный взгляд. Пусть охотник не может его увидеть, но моё восхищение почувствует и без контакта. Он определённо не чёрств душой и не безразличен к потребностям ближнего. И, пообещав заботиться, делает это со всей ответственностью.

- Мне принести ещё еды? Можешь не смущаться - тут такими объёмами никого не удивить, все возвращаются из долины смерти изголодавшимися.

Оторвавшись от поедания густого кашицеобразного продукта, сокрытого в плотной корочке, я вслушиваюсь в интонации голоса моего спутника. Иронии не чувствуется - идарианец искренне полагает, что запаса продовольствия мне не хватит.

Всполошившись, я перехватываю его ладонь, посылаю волну одобрения и, энергично замотав головой, даю понять, что пищи достаточно.

- Хм... - Он в ответ сжимает и гладит мою руку. - Заморыш, я и не замечал, какая у тебя нежная шкурка!

Занервничав, выдергиваю ладонь. Сейчас суета разоблачения - последнее, о чём я могу мечтать. Мне требуется последний период покоя: на смену насыщению приходит

сонливость. Не сдержавшись, я звучно зеваю.

– Да ты ж совершенно измучен! – понятливо реагирует идарианец. – Залезай в юрту, я там уже и топчаны застелил. Прежде отдохнём, а уже затем будем мыться, сменим одежду и решим, куда отправиться дальше.

За что бы ни невзлюбили его соплеменники, сейчас этот мужчина кажется мне идеальным! Спешно отскочив от опустевшего мешка, я ныряю в тёмный проём шатра. Толком даже не разобрав, что там за подстилка, падаю подальше от входа на светлые пятна, заметные в лунном свете, проникнувшем со мной через откинутый полог.

Спать! Спать! Спать! Что бы ни ожидало меня утром, это неизбежно будет утро новой жизни. И дело не только в новой планете, а в новой мне!

Последним осознанным движением, уже в полусне, касаюсь щеки устроившегося неподалеку идарианца. Инстинкт самосохранения заставляет послать ему волну покоя и безмятежности. Пусть спит долго и крепко – это то, что нужно мне сейчас.

Сладко потянувшись, понимаю, что ощущаю дискомфорт. Одежда тесна, а в груди и вовсе сдавило так, что дышать нелегко. Оттого я и проснулась. Не задумываясь, стремлюсь лишь избавиться от нестерпимого давления натянувшейся до предела ткани, пытаюсь снять с себя то, что до появления в этом мире было свободной накидкой. Это оказывается непросто. И не бесшумно, потому что местами ткань приходится рвать. Едва закончив, я бросаю насторожённый взгляд на соседний матрас. К счастью, идарианец безмятежно спит, и я с блаженством вытягиваюсь под покрывалом, прислушиваясь к собственным ощущениям. Сонливости нет и в помине.

Непривычная бодрость толкает меня встать и себя рассмотреть, но осторожность и нагота эффективно сдерживают этот порыв. Желая хоть как-то умерить любопытство, провожу ладонями по изгибам тела и с толикой непривычности ощупываю полную грудь. Оу... Кто бы ни представлялся в думах охотнику – это точно была женщина, и она не отличалась плоскими формами.

– Гай-Ре!

Громогласный бас заставляет подскочить на месте не только меня. Идарианец, оказываясь немного впереди и сонно жмурясь, таращится на поднявшийся полог.

– Ты спятил? К чему так вопить? Я же только что вернулся. Имею право хотя бы выспаться?

Вопрос адресован наполовину протиснувшемуся в юрту мужчине. Вместе с ним в наше убежище проник и свет, мешая мне рассмотреть бесцеремонного гостя. Но мой спутник явно узнал его.

Гай-Ре? На местное приветствие не похоже, значит, это имя моего спасителя?

Громила с зычным басом давится хриплым возгласом и замирает в проёме. Я не сразу соображаю, в чём причина. Лишь увидев потрясённый взгляд, направленный на мои обнажённые плечи и верхнюю часть груди, понимаю, что, подскочив по инерции, я забыла об отсутствии одежды, покрывало сползло вниз, а меня в полумраке юрты отчётливо высветили лучи дневного света. Опомившись, дёргаю покрывало вверх, а охотник резко оборачивается, осознав, что знакомец озадаченно смотрит за его спину.

– Я вот питомцем обзав...

Фраза обрывается на полуслове, и в наступившей тишине на меня потрясённо взирают уже двое. Я ожидала удивления, но...

Оба мужчины даже не дышат. Замерли, не шевелясь и не произнося ни звука. И у меня в голове страшная мысль рождается: всё же я жуткая безобразная карга с необъятным телом? Матушка? Бабушка моего идарианца? Это... катастрофа, ведь мне с этим обликом жить!

Гость приходит в себя первым и падает коленями на плотно утрамбованную почву. А вот Гай-Ре... Он неверяще встряхивает головой, моргает и трёт глаза руками.

- Как... как вы оказались здесь, фисса?

Это слово мне знакомо. Так в империи обращаются к женщинам.

- Таймин?.. - синхронно звучит сдавленный голос Гай-Ре.

Вот и имя у меня есть. Замечательно.

Прижав покрывало руками, я глубоко вдыхаю, готовясь произнести свои первые слова. Сейчас, после завершения трансформации, моё тело получило возможность для этого типа общения. Мало того, теперь и мои способности эмоционального воздействия основываются не на тактильном контакте, а на голосовых модуляциях. Я стала взрослой ледвару. Я больше не личинка!

- Да... - говорить у меня получается не лучше, чем у Гай-Ре. Про эмоциональную наполненность можно вообще не упоминать. Кашлянув, пытаюсь вновь, надеясь, что хоть слова начнут звучать более отчетливо. - Ты спас меня в... э-э-э... опасных землях и привёл сюда.

- Что?! - Покачнувшись, охотник вскрикивает настолько ошеломлённо, насколько и удручённо. Не надо заглядывать в его душу, чтобы понять: моя новость его потрясла... раздавила. - Как такое возможно?! Умоляю, объясните... фисса.

Он тоже назвал меня фиссой? Странно... Только что звал по имени. Но сейчас важнее не это, а то, что он спрашивает о переменах, не о причинах, по которым я оказалась на его пути.

- М-м-м... Это долгая история. Можно ли попросить прежде какую-нибудь одежду? Моя... пострадала.

Не понимая, как проще объяснить ему своё появление в пустыне и смену облика, я решаю тянуть время. А ещё пытаюсь вложить в интонации побольше спокойствия, чтобы скорректировать эмоциональное состояние мужчин. Однако по их реакции понимаю - безуспешно. Видимо, нужно время, чтобы организм настроился на новый способ воздействия.

- Конечно! Немедленно! Мы найдем для вас лучшее из того, что есть в этом недостойном вашего присутствия месте. И как можно скорее доставим вас в ближайший Дом Счастья. Там вы получите всё истинно достойное вас, - тараторит громила, выползая задом из юрты.

- Еда... - Голос Гай-Ре звучит едва слышно, тускло. Он всё так же смотрит на меня, не двигаясь с места, не делая попыток выполнить мою просьбу. Его слова предназначаются исчезающей голове гостя. - Скорее принеси много еды и воду.

- Нет, нет. - Я невольно взмахиваю руками, не отводя взгляда от охотника. Покрывало этим тут же пользуется, и мне приходится его спешно ловить. Гай-Ре так явственно бледнеет, что я начинаю опасаться: не упал бы он в обморок. - После вчерашнего ужина я всё ещё сыта.

Во взгляде идарианца вижу неверие. А дальше... он отводит взгляд, уставляясь себе под ноги. Мне очень хочется объяснить всё этому мужчине, поблагодарить, но я не могу найти слов. Да и он, кажется, не готов их слушать.

- Фисса! Примите этот дар, - отвлекает меня голос возмутителя нашего сонного уединения, а я снова смотрю на входной проём, где рухнувший на колени гость протягивает мне свёрток. - Я владелец этого приюта. Это лучшее, что есть в моём хозяйстве.

Решив, что топать к нему, укутанной в покрывало, неловко, умоляюще смотрю на Гай-Ре.

- Можешь передать?

Охотник судорожно трясёт головой, одновременно начиная пятиться к выходу. Взгляд от меня он старательно отводит.

- Фисса... - в воздухе повисает потрясённый выдох гостя. - Просить о чём-то такого, как он... Вам?! - Хозяин палаток указывает рукой на отступающего с совершенно понурым видом Гай-Ре, в котором сейчас нет ничего от того несгибаемого спутника, что не один день нёс меня на руках. А громила уже грозно ему кричит: - Убирайся отсюда. Это же надо, посметь уснуть с ней рядом. Немыслимо! Ещё и меня обманул. Уж я уверен, тебя накажут.

Опускаю взгляд на стопочку одежды, что возложил рядом коленапреклонённый хозяин, а когда поднимаю глаза - обоих мужчин уже нет в шатре. Полотно на входе откинута, позволяя свету проникать внутрь. Спеша скорее убережь своего спасителя от незаслуженной кары, сбрасываю покрывало. Лишь мгновение люблюсь смуглым оттенком гладкой кожи - такой контраст с белёсым покровом личинки! Моё тело точно не выглядит старым - это обнадёживает.

Одежда чем-то напоминает широкую пижаму. Спешно натянув её, босая, я выскакиваю из юрты и обнаруживаю ещё пятерых мужчин. Все смуглокожие, со слегка приплюснутыми носами и сверкающими искорками чёрными глазами, с одинаково выжидательными выражениями лиц, они полукругом выстроились напротив входа. Вот только Гай-Ре среди них нет! Стремительно оглядевшись, замечаю его позади всех. Он сгорбившись сидит на камне, закрыв лицо руками.

- Фисса, мы послали сообщение о вашем появлении. Скоро за вами явятся, чтобы проводить...

- Я могу поговорить с Гай-Ре?

У присутствующих округляются глаза, а объект моей недавней связи ошеломлённо отнимает руки от лица и в буквальном смысле с раскрытым ртом заваливается на бок. На кого же я похожа, если он так потрясён, увидев мой новый облик при свете дня?

- Что вы! Не стоит вам осквернять свои глаза этим ничтожным зрелищем. Гай-Ре больше и близко к вам не приблизится.

- Он спас мне жизнь!

- Как же получилось, что вы оказались в опасных землях?

Спросить решается один из местных, но во взглядах остальных этот вопрос тоже мелькает.

- Я заблудилась!

Не стоит пока вдаваться в подробности. Кажется, с женщинами тут не очень-то спорят, но мало ли...

- Совсем скоро вы обретете дорогу в свой новый дом!

Поскольку мужчины подобострастно кивают, остаётся предположить, что на Идариане матриархат... Ах нет - не все склонили головы. За спинами других в явном ступоре замер Гай-Ре. Именно с ним я встречаюсь взглядом. Несколько секунд мы вглядываемся в глаза друг друга, прежде чем мужчина вздрагивает и, словно опомнившись, также склоняет голову.

Но всё же я успеваю заметить в его взгляде запредельное потрясение - он никак не может поверить своим глазам, горечь и... вождение. Сильнейший голод собственника мерцает в глубине тёмной радужки, а руки подрагивают, как если бы он сдерживал себя, чтобы не броситься ко мне и не схватить в охапку.

Вот не повезло! Я планировала успеть обсудить с ним реалии этого мира и сгладить удивление от таких вопросов. Но планы спутали и поспешность, с которой я оказалась в эпицентре внимания, и то, как быстро нас разделили. Но всё же я решаю рискнуть.

- Прежде я бы хотела поблагодарить своего спасителя.

Я не ошиблась. Ни с выводом относительно статуса женщин, ни с повелительными интонациями. Мне не запретили и даже возразили не слишком решительно:

- Гай-Ре никто бы не удостоил подобной чести...

- Мне будет удобнее говорить с ним, пока я буду переодеваться! - Не слушая возражений, я разворачиваюсь к шатру.

В полутьме помещения, шагнув в сторону, укрытая от взглядов мужчин, поспешно перебираю сложенную в стопку одежду. Возможно, мне надо надеть что-то ещё?

- Ты не посмеешь войти!

Этот гневный крик звучит не из одного горла. Но того несгибаемого охотника, которого я встретила, не удержат ничьи негодования. Ему требуется лишь время, чтобы преодолеть потрясение - это я понимаю. И Гай-Ре оправдывает мои ожидания. Когда я, с трудом разобравшись в завязках, втискиваюсь в нечто, похожее на кофту-распашонку, свет в дверном проёме загорает высокая фигура охотника.

Прямо перед этим мне почудилось снаружи что-то похожее на потасовку - несколько хлопков, что-то треснуло, невнятные хрипы, пара сдавленных ругательств. Я бы не удивилась, узнав, что мой спаситель только что снес вставших у него на пути противников визита.

- Ты же не мечтаешь, никчёмный, что она за это сделает тебя мужем?!

Злая фраза, брошенная кем-то в спину мужчины, заставляет его споткнуться. Однако идарианец, невыразимо плавно сделав следующий шаг, разворачивается лицом ко мне и опускается на колени.

- Я... вы... фисса... простите мои заблуждения и поведение... Я и помыслить не мог... не понял сразу...

И-да... Шагал он решительно, а говорит обескураженно. Удивительно, насколько взрослый мужчина может быть настолько смущён присутствием женщины.

- Прежде я не могла говорить, - шепчу тихо-тихо, так, чтобы расслышал лишь он, не желая обижать его чувства мыслями об обмане. Да, о причинах не сказала, но зато дала понять, что не просто так молчала все эти дни.

- А-а-а... - В чёрных глазах рождаются знакомые голубые искры, а вот внятности речи не прибавляется.

- Помогите мне, пожалуйста. Эти тесёмки должны быть на спине?

В самом деле, как они ещё не спятили от такой неудобной одежды!

Идарианец, испуганно вздрогнув, бросает на меня нервный взгляд.

- Фисса... хочет...

- Да! Да! Да! Вы же помогли мне обернуться в шкуру боргха, когда звали Заморышем. Вот и сейчас - подсобите?

При упоминании клички, которой нарёк «питомца», идарианец бледнеет. Я не свожу с него глаз, обернувшись через плечо. Медленно поднявшись, он шагает ко мне. Прежде чем взяться за мою одежду, ещё несколько мгновений собирается с духом. А когда наконец касается кромки тесьмы, дышит так рвано, а руки его дрожат так очевидно, что я осознаю, насколько он потрясён. Возможно, я напоминаю ему кого-то? Превратилась в двойника? Такое запросто может выбить из колеи.

- Это... - глубокий вдох и долгий выдох, - мужская... одежда.

Он заикается, словно самый стеснительный субъект мироздания. Впрочем, при всём своём потрясении делает именно то, о чём я попросила.

- Скажите, что меня ждёт?

- Разве вам не извест... - начинает Гай-Ре и обрывает себя на полуслове. И верно, было бы известно - не спрашивала бы. - Вас отведут в Дом Счастья, где живут женщины. А

там... вы вольны будете сделать то, что пожелаете... Слышите? – Идарианец отступает, едва завязывает последнюю пару тесёмок, и вновь опускается на колени чуть в стороне. – Они прилетели.

Я прислушиваюсь. На фоне шёпота снаружи действительно различаю монотонный гул. Взволнованная этим, спеша успеть сказать всё, я шагаю к Гай-Ре, не глядя, и запинаюсь о балку – одну из опор, благодаря которым юрта стоит на земле. Видимо, выбиваю как раз несущую, поскольку в следующий миг сооружение складывается как карточный домик.

Я успеваю испуганно вскрикнуть, когда начинают падать травяные пластины, лежащие на каркасе жилища. Но прежде чем всё окончательно обрушивается, Гай-Ре молниеносным движением вскакивает на ноги и, повалив меня на плотно утрамбованную поверхность земли, закрывает собой. Исключительно по этой причине дождь из балок и прессованной травы валится не на мой хребет, а на спину охотника.

– Как вы?! – От волнения его голос едва ли не вибрирует, но свой вопрос он произносит шёпотом, благо, укрыв меня от обвала собой, лицом почти уткнулся в мой затылок.

– Жить буду, – нервно буркнув в ответ, я прислушиваюсь к собственным ощущениям. Кажется, оцарапала локоть. Колено саднит. Но это мелочи. – Спасибо! И за то, что спасли меня там, в долине смерти, – торопливо благодарю, понимая, что другого шанса не представится. Вокруг творится дикая суета – целая какофония из криков и возгласов. Нас определённо спешат «откопать».

– Фисса, – голос хозяина лагеря звучит драматично, – пощадите! Ума не приложу, как такое могло произойти. Никогда ещё у нас не случалось подобной беды... Отпусти её, ничтожество!

Едва наши тела показываются из-под обломков, каждый из мужчин ударяет в плечо Гай-Ре. Но охотник и не думает реагировать, заботливо укрывая меня до последнего. Лишь одна я знаю, чего ему это стоит. Все его чувства заслоняет ощущение утраты. Невыносимо мучительное настолько, что я не выдерживаю, вкладывая в краткое «спасибо» сокрушительную волну тепла и одобрения.

И у меня получается! Гай-Ре вздрагивает, ощутив прилив новых эмоций. В его взгляде появляется изумление, а в глубине глаз проступает задумчивость и даже... подозрение. Но спросить он не успевает.

– Сестра! – Мягкий и ласковый женский голос звучит совсем рядом. Оглянувшись, я вижу его обладательницу – темноволосую, прекрасную, разодетую в изумительные одежды. – Я пришла за тобой.

– Какие развлечения запланируем на завтра? Может быть, общее купание?! Я их так люблю...

Нирваа, вальяжно развалившись поверх покрывала на необъятной кровати, сопровождает свои слова томным выдохом. К слову, размер спального ложа изумил меня лишь поначалу, потом я поняла, что при образе жизни и порядках местных дам иного и ожидать не стоит.

Мысленно поёжившись при воспоминании о мероприятии, меньше всего призванном служить гигиене, я энергично мотаю головой: только не это!

– Ну да... В самом деле... Мы же позавчера почти весь день провели в купальнях. Хотя... – Она с задумчивым видом качает ногой, обвитой лентами, идущими от колена к узкой тапочке, расшитой руками несомненно талантливого мужа. – Я говорила тебе, что сестра-патронесса старается почти ежедневно пополнять ряды жаждущих? Если тебе никто не приглянулся в прошлый раз, это не означает, что и сейчас не найдётся мужчин на твой вкус. И кто-нибудь из них тебя наконец-то нормально накормит! А то ведь в одиночестве и аппетита никакого, – в голосе появляется приторная патока.

Стараясь сдерживать брезгливое шипение, я плотнее сжимаю губы. Не так просто за пару недель освоиться в новом, неведомом мире. Способность к самостоятельности тут считается лишней. К чему утруждать, если в твоём распоряжении тридцать мужей,

прямой обязанностью которых является забота обо всех потребностях единственной супруги и стремление угодить ей в любой мелочи?

- Запланируем прогулку! - предлагаю я.

Владелица апартаментов морщится, переворачивается на живот и зевает. Томно тянется и обиженно признаётся:

- Обучать тебя жизненной мудрости оказалось утомительным. А поначалу я полагала это забавным. Но ты так упряма! И почему тебе так нравится где-то ходить? Лежать и наслаждаться сладкой страстью - куда приятнее.

Хм... Тут все так полагают. Огромный дом - необъятный дворец со множеством отдельных личных апартаментов для обитательниц и общих, для совместного досуга. Последний тут сводится исключительно к всестороннему ублажению этих самых обитательниц - это я поняла в первый же день по прибытии. Причём варианты блаженства предусмотрены на любой вкус. А предпочтения у местных женщин своеобразные - от невинных и легкомысленных до внушающих трепет и ужас.

- Для фигуры полезно, - парирую я вполне резонным аргументом.

- Да кому важна твоя фигура, - снова зевает Нирваа.

Тут не поспоришь. В этом мире, если ты женщина, больше ничего и не требуется. Вот в буквальном смысле! Мужья почитают за величайшее счастье исполнить малейшее желание жены и до одури боятся оплошать, чтобы она не пожалела о выборе - желающих оказаться на их месте множество.

- Мне важна, - выдыхаю я едва слышно.

- Ты такая неразумная. Вот что значит - выросла одна. Дикарка! Если бы тебя, как и положено, воспитали вместе со всеми в Доме Счастья... - продолжать Нирваа не стала - за эти несколько дней я уже успела прославиться своими безмолвными «протестами». - Надо всё же выяснить, кто твоя родительница. Должно быть, она не смогла смириться с решением о твоей внешности. Пусть сейчас ты и красотка, но малышкой могла не понравиться патронессам.

Вот ещё один жуткий обычай этого мира. Когда-то давно, сообразив, что оставаться необходимым для выживания меньшинством выгодно, местные дамы начали искусственно поддерживать свою минимальную численность. На Идариане, как и в любом другом мире империи, рождается примерно одинаковое количество детей обоих полов. Вроде бы даже девочек больше. Но эти... «прелестницы» уничтожают большую часть новорождённых малышей, выбраковывая их как недостойных. Придираются к любой мелочи, к малейшим недостаткам облика. Так и получается, что местные дамы тем прекраснее, чем суровее душой.

- Не могу знать, - отвечаю я, зыркнув на шестерых мужчин, что кинулись к Нирваа, едва она поманила их. До сего момента они смиренно сидели в отдалении, поедая свою супругу взглядами и ожидая сигнала.

У их жён напрочь отсутствует материнский инстинкт. Растить и заботиться о детях тут прерогатива отцов. Даже девочки возвращаются к мамашам лишь по достижении пятнадцати лет. А дальше дочерям достаточно просто наблюдать, чтобы быстро усвоить: их задача в этой жизни - лениться, капризничать и тиранить мужей. Неприятный мир. Хоть нас и учили, что стандартов не бывает, всё равно противно.

- Не смущайся, - смеётся Нирваа над моим порывом поскорее отвернуться от намечающейся на гигантской кровати оргии, - ты можешь остаться и понаблюдать. Это тоже популярное развлечение. И как бы ещё наши дочери узнавали о том, как вести себя с мужьями? А тебе совсем скоро предстоит выбрать своих и начать самостоятельную жизнь.

Вопрос насущный. Нас, личинок, воспитатель держал в строгости, возвращая в сознании в первую очередь ответственность. Жить по местным устоям для меня станет нескончаемой мукой. А ещё в обязательном порядке положенные по статусу тридцать мужей? Иначе кто будет меня кормить, одевать и обеспечивать прочим? И все эти

кошмарные развлечения... Нет, я не смогу.

За время, проведённое в окружении местных владычиц, я поняла – с возвращением на Леду мне никто помочь не сможет. Идарианцы о ней ничего не знают. Они и об империи-то не слишком хорошо осведомлены – лишь пару лет назад вступили в состав Объединённых территорий.

– Требуется время, чтобы научиться всему, – повторяю я.

– Ты нерадивая ученица, – с прерывистым стоном откликается Нирваа. – Иди к нам, ты быстро всему научишься. Или возьми уже, наконец, себе несколько мужчин на пробу.

– Не хочу пока. Лучше погуляю. Заодно подумаю, с чего начать.

Я вскакиваю на ноги и, не дожидаясь ответа от сладостно застонавшей наставницы, иду к выходу из апартаментов.

– погоди! – Вскрик хозяйки комнат останавливает меня уже в дверях. – А что с тем уродцем? Он всё ждёт?

– Понятия не имею.

Желания говорить с ней о Гай-Ре нет никакого. И выказать к своему спасителю хоть толику интереса я опасаясь. О том, что его кандидатура в мужья даже не рассматривается, мне категорично заявили сразу, так что привлекать к несчастному лишней раз внимание этих лишённых совести и морали особ не стоит. И без того доставила охотнику проблем.

– Я вдруг сообразила, что с ним же тоже можно устроить развлечение! Он такой угрюмый, что его будет не жалко, – отчего-то взвизгнув, как-то гадливо хихикает Нирваа. Я же слушаю, по-прежнему стоя к ней спиной, не находя в себе сил обернуться. – Сообщи ему счастливую весть. Пусть приходит завтра, его пропустят! Мы сделаем его мишенью в метании дротиков. Он же огромный. Спорим, я попаду в него с закрытыми глазами?

Сглотив, я молча покидаю спальню. Из-за прикрывшихся дверей теперь слышится сальный шёпот, а я, зажмурившись, стараюсь сдержать приступ дурноты. Жуть... Какому нормальному разумному существу придёт в голову мысль втыкать в себе подобных острые иглы дротиков? Такой жестокости я не видела ни в одном из обучающих фильмов об империях, что показывал воспитатель.

Спеша по длинным коридорам к выходу, я стараюсь не отрывать взгляд от пола, ничего не слышать и изгнать из головы все мысли. Здесь за каждой дверью, даже в общих залах, творится что-то тошнотворное. Развращённые вседозволенностью, праздностью и потаканием своим желаниям, местные женщины вытворяют невообразимое.

– Не нуждаюсь в сопровождении!

Вскрик получается напряжённым – Нирваа умудрилась взвинтить меня, зато результативным – бросившиеся ко мне мужчины, в неизменном ожидании своего шанса ежедневно приходящие к воротам и толпящиеся вокруг каждого такого дома, тут же расступаются с общим вздохом разочарования.

Отдаляясь, я чувствую множество вождедеющих взглядов, устремленных мне в спину. Волей Гай-Ре я превратилась в истинно прекрасную по местным меркам жительницу.

Стоит мне вспомнить об идарианце, как я сразу нахожу его в толпе. Охотник стоит позади скучившихся у самого входа мужчин. Нет, мужчинок, как мне постоянно хотелось их назвать. В сравнении с тем же Гай-Ре, в своём унижении они смотрятся... жалко. Ведь могли бы проявить характер и растащить всех этих психопаток по домам!

Оставив за спиной стоянку с принадлежащими обитательницам Дома Счастья летательными аппаратами, я иду к виднеющейся неподалёку роще. Пусть ни до чего нет дела женщинам, погрязшим в бесконечных развлечениях, но местные мужчины всё же создали вполне комфортный мир.

- Фисса, вы не пострадали? - Вопрос звучит едва слышно, я разобрала его только потому, что ожидала. Всякий раз, стоило мне покинуть дом - поначалу в сопровождении сестёр, а затем и одной, - Гай-Ре следовал за мной. Он не спешил навстречу всякой выходящей особе, вообще большей частью неподвижно сидел в тени дерева напротив окон апартаментов Нирваа, у которой меня поселили на время обучения.

- Я же просила не подходить ко мне! Как осмелился ты ослушаться?! - отвечаю грубо, не сумев сдержать злых интонаций.

Почему? Да потому, что мне меньше всего хочется завтра наблюдать, как этого смелого и отзывчивого мужчину будут терзать и унижать. Моя резкость, возможно, заставит его уйти.

- Простите. Я бы не посмел выказать свое присутствие, но ваше лицо... встревожило меня.

Он и не представляет, насколько меня тревожит его мир! И особенно его «прекрасная» половина! Как тут выжить, если вернуться к своим возможности нет? Мне даже не поверят, если признаюсь, ведь выгляжу как идарианка, с их оливкового цвета кожей, вьющимися тугими кудряшками волосами и приплюснутым носом.

Всё быстрее и быстрее шагая по ровной дорожке в сторону рощи, за которой, это мне уже известно, находится берег широкой реки, я стараюсь не думать о грустном.

Бум!

Едва не припечатав основательным ударом, у самого моего лба замирает толстая ветка дерева. Уйдя в себя, я не заметила опасности и неминуемо получила бы по лбу, если бы не охотник. Молниеносно возникнув рядом, он отвёл беду, выставив на пути ветки палку.

- Спасибо.

Одно слово. Сухо и безразлично. Хотя злюсь я больше на себя: неужели нельзя не попадать в переплёт?

- Вы... - он мнётся. - С вами так часто что-то... случается.

Наблюдательный... Но рассказывать мне о собственной невезучести смысла нет - больше никто из личинок не переместился на Идариан.

- Я знаю.

- Не ходите никуда одна, - говорит он так быстро, словно старается произнести на одном выдохе.

- А что так?

Первое, что мне сообщили новообретённые сёстры: ни один мужчина этого мира не смеет навредить или ослушаться женщины. Страшнее преступления нет, а кары за него ужаснее.

В последнем, познакомившись с кровожадными фантазиями жительниц дома, я даже не усомнилась.

- Вдруг что-то... случится.

Вот опять заикается на каждом слове. И это при том, что в пустыне болтал за двоих! Ещё и смотрит нервно, ежесекундно отводя взгляд и снова возвращая его ко мне, словно не имея сил заставить свои глаза смотреть куда-то ещё.

- А вы возложили на себя миссию по опеке? Я не в долине смерти, в этой части Идариана мне ничто не угрожает. - В моём голосе снова ирония, даже цинизм. Ведь подобное могут позволить себе только мужья. Идарианец опускает глаза, но не отвечает, плавно убирает палку, едва я отступаю в сторону.

Понимая, что тема исчерпана, я шагаю дальше.

- Совсем скоро... будет дождь, фисса, вернитесь, - тихий шёпот мне в спину.

- То что надо!

- Почему?

- Закипаю. Холодный душ будет в самый раз.

Зачем ему отвечаю? Сама не знаю. По местным устоям положено презрительно игнорировать. Или наказать. Поэтому даже за пределами Дома Счастья можно ничего не опасаться - никто не рискнет своей жизнью. Никто, но не...

Добравшись до ближайших деревьев и теперь сосредоточенно следя за ветками, я не замечаю корень, торчащий из земли. Зацепившись носком и заскользив гладкой подошвой туфель, вдруг чувствую, что съезжаю вниз по уклону.

- А-а-а...

Вскрикнув, неловко взмахиваю руками, инстинктивно пытаюсь за что-нибудь ухватиться. Но лишь рассекаю воздух. А в следующий миг позади появляется большое и твердое тело, сильные руки обхватывают, удержав в вертикальном положении, а мужские ноги тормозят, останавливая движение.

Стоит мне отдышаться, обнаруживаю, что идарианец успел поймать меня едва ли не в шаге от обрыва реки. Мне становится по-настоящему стыдно.

- Спасибо. Зачем ты делаешь это?

- Помогаю?

- Нет. Сидишь. Караулишь. Ходишь за мной.

- Я понимаю, что шанса... стать избранныком... нет.

Отвечает он не сразу. И выпускает тоже. На очень долгий миг прижимает меня к себе, прежде чем легонько оттолкнуть.

Гай-Ре снова молчит, но я чувствую, что задаётся многими вопросами.

- Ты можешь спросить, - предлагаю, понимая, что он ждёт разрешения.

От сестёр я знала, что Гай-Ре допросили сёстры-патронессы - местные старушки, дожившие до возраста, когда и самые изощренные развлечения уже не привлекают. Именно эти дамы и контролируют всё в этом мире, управляя младшими сёстрами, а через них - мужчинами. Идарианец не смог рассказать им ровным счётом ничего, кроме того, что я сообщила мужчинам в лагере на границе смертоносной пустыни.

- Ваш облик... Вы же выглядели иначе... изначально...

Так и есть - он размышлял о переменах во мне. Я в эти дни много думала над возможным ответом. И теперь мне не потребовалось много времени.

- Жизнь в пустыне не очень-то красит. А мы... Ты большей частью видел меня или в потемках, или замотанную в шкуры. Когда же появилась возможность отъесться и приодеться, то... я и стала привлекательнее.

Вру? А что мне остаётся? Не про личинок же ледвару и необъяснимое перемещение на другую планету ему толковать?

- Хорошо.

Ответ лаконичный. Возможно, охотник не захотел стыдить меня, указывая на множество белых пятен в моём объяснении. Трудно поверить, что он мог не заметить радикальную смену цвета волос и кожи... Но безоговорочно принял мой ответ! Всё же в местном преклонении перед женщинами есть плюсы.

- Ваш облик... - он снова запинается. - Вы изначально должны были такой стать?

Ах! Так его смущает моя идентичность его знакомой!

- Я вам кого-то напоминаю?

Уверена, невиннее выражения лица, чем у меня сейчас, не бывает в природе.

- Не то чтобы... знакомую. - Гай-Ре сглатывает и опускает взгляд, пряча глаза. Чем дальше, тем тише звучит его голос. - Мою мечту! Мой идеал. Я даже имя ей придумал... А вы его приняли.

После этого признания я осознаю, что порой лучше смолчать. В самом деле, мне сложно объяснить такую схожесть и уж тем более причины обретения именно этой внешности. Однако охотник не ждёт ответа, а продолжает, пробуя зайти с другой стороны:

- С вами случилась... беда? Вы... поэтому оказались в опасных землях?

Он смущается, но, при своей стеснительности, разговаривает со мной куда нормальнее, чем все другие мужчины этого мира. Будь то грубые охотники в лагере, или заискивающие избранники местных дам Доме Счастья, или ремесленники, толпящиеся снаружи в надежде заменить кого-то из сплеховавших мужей.

- Не помню, как оказалась там.

- А что дальше? Вы планируете избрать себе мужей, когда наступит день выбора? - С каждым новым вопросом, его голос обретает уверенность и всё меньше сбивается.

Не ответив, я отворачиваюсь от Гай-Ре и осматриваюсь. По другому берегу реки, что скрывается в дымке, я гуляла в прошлый раз. А сейчас мне хочется осмотреть поселение, в которое меня доставила Нирваа. Тогда, впервые встретив темноволосую стройную красавицу с обворожительным голосом, прилетевшую за мной на местном воздушном транспорте, я была очарована. Но всё впечатление испортили местные дамы, под милovidным обликом которых скрывался орден коварных и безжалостных правительниц. При этом они отлично устроились, превратив представителей сильной половины практически в рабов.

С берега открылся прекрасный вид на поселение, раскинувшееся чуть ниже прибрежной рощи. Небольшой посёлок, центром которого стал огромный Дом Счастья. Несколько улочек с однотипными двухэтажными домами из какого-то пористого зеленоватого минерала. Здесь имелись централизованные коммуникации, система подачи воды и генерации энергии, летательные аппараты, средства дистанционной связи - между собой общались дамы из разных домов и даже получали новости с других планет империи... Развитой мир.

Но ведь всё это создано руками местных мужчин! Стоит рискнуть, не все же они бесхребетные мазохисты? Возможно, есть и другие, такие, как Гай-Ре. Резонно, что они становятся отверженными.

- По-другому быть не может? Женщины не живут иначе... И даже не летают к звёздам?

- Да, все живут так. А при чём тут звёзды? Или вы... размышляете о чём-то плохом?

- Вот и ответ, - вздыхаю я, игнорируя вторую часть его вопроса. Даже если они хоть иногда путешествуют на другие планеты, для меня это бессмысленно. Мне нужно на Леду, а она очень далеко от империи. Остаётся жить по правилам этого мира.

Не получив нового вопроса, я шагаю вперёд - к деревьям. На Леде все растения бледные, полупрозрачные, серовато-тусклого цвета - как и другие личинки, я знала об этом от воспитателя. Здесь же целое буйство красок. Осторожно, стараясь не пораниться, скольжу ладонью по шероховатой коре.

- Вам нравится?

- Не знаю... пока.

Рассказать о чём-то из жизни с другими личинками я не могу, а о местном мире знаю недостаточно.

- Скажете, как узнаете? - Охотник кивает, словно мой ответ совершенно нормален. Словно он понял его.

Обещать ему я не рискую. Где-то в глубине души ещё теплится надежда, что меня сумеют отыскать и вернуть на родную Леду.

- У вас прекрасные наряды. Откуда все эти красивые ткани? Кто делает их?

- Ткачи.

Значит, тоже мужчины. Оно и понятно, ведь каждая женщина выбирает себе мужа-ткача, мужа-крестьянина, мужа-врача и так далее. И все они живут ради того, чтобы обеспечивать потребности супруги. А она им ничего не должна. Если пожелает - одарит своим вниманием или - о, чудо! - наследником. Не пожелает - не одарит. Тем более любой Дом Счастья предлагает для своих обитательниц массу дополнительных развлечений. И почти все - в обществе свободных мужчин.

- Как вы все тут ещё не вымерли... - срывается с языка.

- Это небольшое поселение. Здесь один Дом Счастья. Сто восьмой. Но есть поселения, где их по три и больше.

- Сто восьмой?

- Это название посёлка.

Предсказуемо. У них всё крутится вокруг этих женщин. Смысл всего в служении им. Прогресс - чтобы делать это лучше и лучше. Философия и религия - в жертвовании всем ради женщин. Но ценят ли они это? Понимают? Может быть, когда-то давно, когда в этом мире установили такие порядки, так и было. Но сейчас...

- Я возьму себе мужей, когда назначат день выбора, - неожиданно даже для себя самой отвечаю на заданный им ранее вопрос.

- Вы можете... - он снова начал запинаться, признаки волнения проступили на лице, - выбрать меня... тоже...

- Такая скромная просьба! - Я не удерживаюсь от смеха. Весёлого и заразительного. Этому мужчине удастся пробуждать во мне лучшее даже в таком сложном положении, как сейчас. Качнувшись, всем телом я опираюсь на ствол соседнего более тонкого деревца.

- С вами постоянно что-то случается. Подумайте! Вам нужен кто-то для... безопасности. В этом мой облик и неумение делать комплименты не так важны, значимее сила и ловкость... Вы же знаете, я справлюсь.

В этом он прав. И этим тоже отличается от других - никто не ослушался моего запрета, а Гай-Ре, вопреки всему, пошёл следом, заговорил. Точно понял, что я не из числа их женщин. Что же он тогда думает обо мне?

- И ты сможешь жить в Доме Счастья?

Он хоть представляет, что там творится?

- Мужья редко остаются в доме надолго. Жёны призывают их по необходимости. Или же вовсе только присылают за дарами, не позволяя явиться лично.

На лицо мне падает капля. Затем ещё одна и ещё... Помня об ужасе испепеляющего жара пустыни, я поднимаю лицо навстречу дождю. Как же прекрасно ощущать эти прохладные, полные жизни капли!

- Вот же! Я ожидал дождь ближе к закату, - удивлённо признаётся идарианец, одновременно подталкивая меня под развесистую крону большого дерева.

- Я - Таймин. Называй меня по имени. Так ты живешь в этом поселении?

- Мужчине нельзя обращаться по имени к женщине, - ответ звучит назидательно. Как

если бы Гай-Ре был недоволен плохо выученным уроком. – Так вы точно допустите оплошность. И да – здесь есть мой дом.

Дождь со страшной силой бьёт по листве над нашими головами, рассекая её острыми струями.

– Сроду не видел в этой местности такого ливня, – волнуется охотник. – Мы вымокнем до нитки. Есть у вас другая одежда? Ведь пока некому заботиться об этом?

– Нет.

Тут он прав: Нирваа выделила мне лишь один наряд. Наверняка с расчётом, чтобы я поскорей начала самостоятельную жизнь.

– Я бы пригласил вас в свой дом, там можно обсушиться и сменить одежду, но не решусь. – Гай-Ре мнётся, разворачиваясь так, чтобы своим телом прикрыть меня от косых струй.

– А я бы не отказалась.

– Вот оно как...

И тут же, не давая передумать, идарианец подхватывает меня на руки и срывается на бег. Определённо, у него нет права носить меня на руках, но он предпочёл забыть об этом, прижав, как и прежде, к груди.

– Непогода избавила нас от любопытных глаз. Я надеюсь... Жители должны были разойтись по домам.

Устроив меня возле обогревателя, напоминающего лопасти вращающейся спирали, хозяин крайнего к лесу дома спешно покидает комнату, оставив мне пушистое полотенце и стопочку шелковистой одежды. Такую яркую, дорогую и непрактичную в этом мире носят лишь женщины.

– Если ты обречён остаться в одиночестве, откуда этот наряд? – спрашиваю, не сумев сдержать любопытства, и с трудом стягиваю насквозь влажные лоскуты. Уж точно охотник не отошёл далеко и слышит меня.

– Готовлюсь на случай, если вы решите меня выбрать.

Гм...

– Завтра не приходи. Запрещаю... – я сбиваюсь и исправляюсь: – Прошу.

– Почему? – вопрос ожидаемо доносится из-за двери.

– Твою настойчивость заметили. И это принесёт проблемы. Та сестра, что присматривает за мной, запланировала развлечение, где тебе отведена не самая приятная роль.

– А вы там будете? Если это возможность снова увидеть вас, то остальное я смогу вытерпеть.

Для меня он остаётся напарником по тяжёлому испытанию, спасителем, объектом трансформирующей связи, наконец. Для него же я, пусть он и осознаёт мои странности, всё же женщина. И пиетет к ним у него в крови. Он доподлинно знает, что я слабее, что полностью зависима от него, и держит подчёркнуто уважительную дистанцию, каждым своим обращением даёт понять, что я – недостижимая мечта, идол. Но как же он храбр, упрям и решителен, если при этом всё же ищет наших встреч! Кажется, другого такого нет в этом мире.

– Я не уверена, что смогу выдержать это развлечение... – бормочу едва слышно, скорее для себя, чем отвечая ему. – Не приходи. Вообще. Опасаюсь, что меня заподозрят в чём-нибудь... неправильном.

За дверью что-то падает, и наступает тишина. Связав неизменные ленты, которыми изобилуют любимые местными женщинами наряды, я в который раз удивляюсь несоответствию. Одежда – узкие приталенные платья, тонкие объёмные штаны с

разрезами по бокам или свободные туники – всё это из нежных тканей утончённых тонов. Но насколько же они не соответствуют истинной сути своих владелиц.

– Фисса, вы готовы?

Ну вот. Мы снова вернулись к начальной позиции, лишь на чуть-чуть окунулись в то время, когда я была его подопечной.

– Да. Дождь прошёл. Сопроводите меня домой. Я сообщу сёстрам, что приняла решение. Патронессы, должно быть, волнуются из-за непогоды.

Шагнув из комнаты, обнаруживаю хозяина уставившимся в пол у себя под ногами. Чувствуя неловкость, спешно прохожу мимо. И всё же он в пару размашистых шагов обгоняет меня, вынудив идти следом. И вдруг останавливается так резко, что я налетаю на его спину.

– Вы спрашивали, почему я прихожу к Дому счастья, даже зная, что вы не сможете выбрать меня?

Вопрос обрушивается как гром среди ясного неба. Замерев на месте, я судорожно пытаюсь понять причину. Как хорошо, что мужчина сейчас не видит моего лица.

– Всё потому, что я вижу, как вам трудно. И нужен хоть кто-то, кому вы смогли бы доверять, даже просто положиться в тяжёлый момент. Кто-то, кто смог бы... заботиться о вас искренне, ничего не требуя взамен. Просто знайте, мне будет достаточно помогать вам любым способом. И ради этого я смогу вытерпеть всё.

Испугавшись шквала эмоций – тех чувств, что ощущаю сейчас, уткнувшись в его спину, я отшатываюсь. Слов для ответа не нахожу – не хватает уверенности в себе, в своём праве принять такую жертву, признаться, что отчаянно нуждаюсь в нём, в невероятном мужчине, что спас меня.

Взгляд, словно бы мне хотелось всеми силами оттянуть мгновение ответа, скользит вокруг, обегая внутреннее пространство дома. Приятного дома! Пусть не всё вокруг я могу узнать, разгадать назначение, но мне нравится то, что я вижу.

Много свободы, пространства и света. Два основных цвета – синий и серый. Вещи с налётом времени, но ухоженные, основательные, со своей историей. Возможно, в этом доме выросло несколько поколений его предков? И тут уютно... Последнее отмечаю с особенным удивлением – трудно ожидать от неотёсанного охотника красивых изображений на стенах, гармоничного сочетания тёплого и прохладного цветов.

Лестниц здесь не существует. Вместо них широкие движущиеся ленты, что спиралью взвиваются вверх или скручиваются вниз. Вот как сейчас... Поэтому Гай-Ре и остановился, едва мы шагнули на способную перемещать поверхность.

Так мало времени надо, чтобы добраться до первого этажа... Вдруг осознав, что виток спирали близок к завершению, я подаюсь вперёд, прижавшись теснее к мужской спине. И застываю, понимая, насколько Гай-Ре приятен этот мой порыв слабости.

Мы стоим неподвижно последние секунды движения ленты. Не дыша и наслаждаясь теплом тел друг друга. Кажется, это мой лучший момент в этом мире... Но лента опустилась до предела, остановилась. Нам приходится сделать шаг, чтобы сойти с неё на пол первого этажа и идти к дверям.

– Есть ли у фиссы вопросы?

Сейчас голос идарианца сух и отчетлив, даже деловит.

– О чём?

– Ну... любые. Может быть, о том, что предстоит? Или о наших порядках? О других планетах?

Я спотыкаюсь. Гай-Ре тут же подхватывает меня за локоть, поддерживая. Но, едва риск падения для меня исчезает, он убирает руку. А ведь охотник прав – я всё ещё каждую

минуту рискую выдать себя на элементарном. Однако вопросы никак не желают появляться, в голове всё словно превратилось в желе.

- И ещё... Они хоть кормят вас?

Вопреки всему, я смеюсь:

- Пищи для меня требуется не так много.

- Да?.. - В интонациях идарианца столько неприкрытого сомнения, что я вновь невольно улыбаюсь. - Я волновался, что некому вас обеспечивать и, возможно... вы терпите лишения.

- Ты так трепетно относишься к потребностям женщин. Удивительно, что до сих пор тебя ни одна не выбрала.

Как минимум приносить добычу он точно способен. Но этого я вслух не произнесла, не желая задеть достоинство Гай-Ре.

- Любой мужчина так относится, - глаза мужчины широко распахиваются - настолько сильно его удивление. - Как же можно иначе? Но выбирают только самых достойных.

И он не из их числа? Перед мысленным взором тут же встают образы холёных, приближенных к дамам мужчин. Всё неправильно в этом мире. Пусть женщины здесь прекрасны, как самые удивительные цветы, но души их обезображены. Мужчины же... они совершенно не знают чувств, свойственных только для двоих, лишены даже представления о любви и нежности, их удел - долг и служение. Мне же есть с чем сравнивать, пусть обучение и не заняло много времени, но воспитатель показывал нам и рассказывал, что значит быть любящей парой. Однако сейчас нет ни времени, ни возможности что-то объяснить идарианцу.

- Что ж... Тогда расскажи, как происходит церемония.

Гай-Ре прав, мне нужно знать, что грядёт.

- Сёстры-патронессы огласят приближение заветного дня. Что есть фисса, которая намерена сделать выбор. Это периодически случается: мужья порой гибнут или же сама супруга может кого-то прогнать. В нужный день все свободные мужчины в округе соберутся перед Домом Счастья. Будет не протолкнуться от желающих, ведь в этот день наверняка кого-то выберут.

Последнее Гай-Ре произносит уныло, окинув меня едва ли не прощающим взглядом.

- И кого мне выбирать?

Вопрос производит на идарианца эффект взрыва. Мужчина даже отшатывается, от потрясения приоткрыв рот. И вновь смутившись, принимается бормотать:

- Фиссе... позволено всё. Любого... любых выбирайте...

- А обычно каких выбирают?

- Красивых... - Он заметно теряет уверенность. - Или тех, у кого род значимый... или ремесло полезное...

Это как раз понятно.

- А тебя почему до сих пор не выбрали? Ничего не умеешь, кроме охоты?

Гай-Ре сглатывает, я же запоздало соображаю, что вопрос не самый приятный для его самолюбия.

- Я не подхожу им... А что до ремесла, то я очень многое умею. Охота - это так... Только на испытаниях. В остальном я и с ковкой хорошо управляюсь, от деда ткацкая мастерская в доме... я с ней сам справляюсь. И земля даёт урожай.

Ого! Тогда он тем более стоит троих. Что ж местные дамы так глупы?

- И что с тобой не так?

- Я... э-э-э... - Идарианец запинается, смущается так, что даже краснеет, но всё же признаётся: - Я... не всегда могу...

выгодно представить себя... Не получается... льстить, как они любят, - слова застревают в горле. Хвалить себя стыдно и... как-то неловко.

Ох... Не вызывается сам? Такой бесстрашный и одновременно стеснительный мужчина! Конечно, если претендентов на таких «выборах» собирается множество, для того, кто скромно прячется в тени, шансов нет.

- Но со мной... ты же решился? Привёл в свой дом. Рассказываешь мне всё.

- Хочу помочь...

- Мне пора.

Чем дольше я буду рядом - тем болезненнее для него будет итог. Позволят ли мне избрать его?.. Сомнительно. Тогда к чему усугублять переживания мужчины? Мне доподлинно известно, как тяжело он воспринимает свою непривлекательность.

Решительно толкнув дверь, что ведёт наружу, я замираю.

- А выбор... Выбирает только женщина? Она сама решает, какие мужчины станут её мужьями? Или необходимо одобрение... сестёр?

Вопрос срывается с губ синхронно с мелькнувшей в голове мыслью.

- Фисса решает сама. Ей позволено всё, - шёпот очень тихий, но я слышу отчётливо - Гай-Ре за моей спиной.

Больше не задерживаясь, выскальзываю из дома, надеясь, что мне удастся оставить в тайне встречу с охотником.

Всеми силами стараясь не обращать внимания на звуки, доносящиеся из-за дверей соседнего помещения, где Нирваа уединилась с тремя своими мужьями, которых она ещё при первой нашей встрече охарактеризовала коротко - для развлечений, я упорно плююсь в окно. Как удивительно небо в этом мире! Оно такое... глубокое, какое-то бесконечное и прозрачное, насыщенного лазурного цвета. Словно смотришь не в небо, а в глубины бескрайнего океана. У меня глаза такие же.

Наверняка именно в небо смотрел, мечтая о женщине, Гай-Ре. Вчера, после возвращения с прогулки, едва шагнув за порог, я встретила поджидавших и обеспокоенных моей задержкой сестёр-наставниц.

- Мужчины? Ты присмотрелась к ним? - немедленно получила строгий вопрос. - Ты поэтому стремишься бывать снаружи? Мы поняли: тебе не достаёт знаний о них, чтобы сделать верный выбор. Но мы поможем. Важно знать лишь одно - кто из них для тебя полезен. Избирай красивых для отдыха и успешных для своего существования. Итак, запоминай...

Из тех порой отрывочных знаний о мире, которыми снабдил нас воспитатель, мне казалось, что с возрастом женщины утихомириваются, проявляя склонность к покою и отстранённости. Здесь же... На Идариане они все озлобились, словно бы цепляясь за свою прежнюю власть, но отчётливо понимая в душе, что она утекает к более молодым, тем кто способен... дарить детей.

- В этом наша сила и власть, - шептала Нирваа, наставляя меня, дикарку из опасной части их мира. - В возможности для мужчин продолжать свой род. Они все надеются, ждут до последнего, выполняя любую прихоть. Поэтому ими так легко управлять и манипулировать.

Патронессы не один час продержали меня подле себя, расписывая очевидные, на их взгляд, достоинства избранников. Но всё это время меня не отпускало воспоминание о той муке, что я ощутила в душе Гай-Ре в лагере у разделительных гор, когда он уже

понял – меня заберут.

– Но мой спаситель... – мыслями я вновь вернулась к жутким дням в пустыне. И надеялась изменить отношение к Гай-Ре, рассказывая о его подвигах. – Он надёжный, умелый и бесстрашный охотник...

– Недостойному просто повезло. Ты такая красавица, удивительно, как твоя мать допустила, чтобы ты пропала в долине смерти. Конечно, охотник был безмерно воодушевлён встречей с тобой... Несчастный. И что тебя удивляет в его поступках? Любой мужчина обязан сделать всё ради спасения фиссы.

– Он сделал больше возможного. Я не уверена, что у кого-то другого хватило бы сил дойти...

Тут в душе я вздрогнула, таким отчетливым стало понимание: охотник действительно дорог мне, я привязалась к нему за это время. Очень... привязалась. Меня переполнял искренний восторг и восхищение этим мужчиной.

– Дикарка! – Они журили меня мягко, но я ощущала раздражение. – Будь амбициозной. Гай-Ре не подходит. Он слишком... неуправляем. Таких мужчин мы никогда не поощряем. Им нельзя иметь потомков.

Поражённая, я смотрела на сестёр-патронесс в полной растерянности. Какие же мужчины получают тут право на отцовство? Покорные, безвольные и лишённые всякой мужественности? Гай-Ре по местным меркам... настоящий мужчина. И поэтому считается недостойным стать избранником и отцом. Уму непостижимо!

Слова патронесс звучали как приказ: нельзя! А ведь миг назад у меня возникло желание признаться им во всём. Рассказать про ледвару, про моё необъяснимое перемещение. Но жёсткий подтекст мягких речей так напугал, что я не смогла решиться. Эти дамы не щадят своих дочерей ради сохранения своего могущества, не пожалеют и меня!

– Мы укажем тех, кто станет наилучшим выбором, – продолжая вчерашний разговор, сегодня веско подводит итог старшая из сестёр-наставниц.

– Но... если они не понравятся мне?

– И что с того? – дружно фыркают женщины. – Кто не понравится, тем запретишь появляться в твоих покоях. А для удовольствий отберёшь тех, кто придёт по душе. Если разочаруешься – их всегда заменить можно. А вот избранников, что будут заботиться о пропитании, воспитании детей и других насущных потребностях, надо выбирать очень тщательно, от них зависит твоё благополучие.

– Смотрите! Смотрите! – Вскрик Нирваа прерывает наш разговор. Моя недалёкая наставница что-то увидела в окне. – Таймин только вчера согласилась на выбор, мы едва разослали весть, а мужчины уже собираются.

– Должно быть, новости о необычной судьбе и красоте нашей новой сестры разнеслись по округе. Чем ещё заниматься мужчинам, как не сплетничать?..

– Мы заставим их ждать? – деловито интересуется Нирваа. Ей явно хочется поскорей сбить меня с рук.

Не только от неё, но и от прочих обитательниц дома я ощущаю направленные на меня раздражение и растерянность. Они никак не могут определиться: принесу я пользу или всё испорчу. За «свою» я точно не сошла, но они всё ещё рассчитывают, что моё сенсационное появление обернется выгодой. И теперь опасаются, что, если отложить выбор, их влияние на меня ослабнет. Сейчас же они полагают его максимальным, ведь из-за страха я не позволяю себе открыто протестовать.

– Объявите, что процедура выбора ожидает нас сегодня, за час до заката!

Вердикт заставляет меня шумно выдохнуть, Нирваа же довольно взвизгивает:

– Какое удачное время! Скорее укажет на тех, кто наиболее полезен, а дальше... уже не стоит переживать об обеспечении и можно посвятить ночь собственному удовольствию.

Она ещё и в ладоши хлопает, словно довольный задумкой проказы ребёнок.

- Ой, вы только посмотрите на лицо Таймин! - Нирваа никак не унимается. Вертит головой, переводя взгляд с меня на толпящихся снаружи мужчин, и глумливо хихикает. - Она побледнела, а сейчас покраснела!

Для меня быть объектом всеобщего внимания сестёр крайне мучительно, но при мысли о том, что ждёт меня уже этим вечером, и вовсе хочется взвыть. Или сбежать далеко-далеко. Только в этом мире такие дамы повсюду!

- Таймин, пора. Идём. Мы подготовим тебя, ты должна ослепить всех. - Сестра-наставница оборачивается к Нирваа, смягчая строгий тон: - Иди, предупреди остальных. Все мы будем присутствовать, встанем на возвышении и должны выглядеть великолепно. Для многих мужчин это редкая возможность увидеть своих жён.

Обречённо я плетусь вслед за старшими женщинами. Даже по пути они продолжают поучать меня, впрочем, я мало что слышу, полностью погружившись в борьбу с разъедающим душу страхом. Купание, облачение в изящный наряд и укладка волос в сложную причёску проходят в полусне. Единственное, что я осознаю, - время стремительно утекает, приближая меня к роковому моменту.

- Все ждут! Такой толпы ни разу не видела. Не удивлюсь, если кто-то прибыл издалека. - Резкий голос вбежавшей в комнату Нирваа вырывает меня из забытья. Бросив на меня внимательный взгляд, она замирает, округлив глаза, и восторженно стонет: - Таймин... как тебе к лицу лазурный цвет! И ткани бесподобны. Наряд такой утончённый. Ты в нём словно звезда - ослепительная и недосыгаемая! Любой мужчина, что увидит тебя, уверится в женской возвышенной природе.

- Сестра, ты бледна? Или это розовый наряд так скверно оттеняет твою кожу? - обращается к Нирваа одна из моих провожатых.

- Увы! - молодая женщина недовольно надувает губки. - Я была неосторожна и скоро войду в пору ожидания.

- Ты подаришь мужьям первого ребёнка... - Понимающие кивки выглядят скорее соболезнующими. - Бедняжка! Тебя ждут трудные дни. Повеселись от души в ближайшее время.

- Вот я и решила, что пройду с Таймин, покрасуюсь... Буду наслаждаться обожающими взглядами!

- Ты не станешь наблюдать с возвышения? Тогда укажи своей «находке-чудачке» на нужных кандидатов.

- Обязательно! Я как раз знаю все значимые роды в округе. - Нирваа мило улыбается патронессам и, строго посмотрев на меня, добавляет: - Следуй моим советам, и не прогадаешь. Я обеспечу тебе сладкую и лишённую проблем жизнь!

Припомнив собственные наблюдения за образом жизни наставницы, я невольно вздрагиваю. Нет! Такого существования я не выдержу.

«Фиссе позволено всё!» - неожиданно появляются в памяти слова Гай-Ре.

Позволено всё. Позволено всё... Позволено всё? Повторяя про себя эти слова, я шагаю за сёстрами к выходу на балкон. Занявшие его прекрасные женщины обаятельно улыбаются и помахивают руками толпе внизу.

Мужчин действительно много. Целое море тел, облачённых преимущественно в тёмную, непритязательную одежду. Их лица, поднятые вверх, обращены к нам... ко мне. И десятки, нет, сотни тёмных глаз, в которых застыли ожидание и отчаянная надежда!

Охнув, я подаюсь назад, желая одного - избежать этих взглядов. Но немедленный толчок в спину и гневное шипение Нирваа вынуждают вернуться.

- Не вздумай испортить мне этот вечер!

По тону и напряжению в голосе моей наставницы ясно – она настроена на триумф.

– Но...

– Спускайся. Я иду следом и коснусь тебя, если увижу подходящего избранника. Тебе останется лишь положить ладонь на его макушку.

Понимая, что эти милые на вид женщины запросто столкнут меня вниз, а если потребуется, то и насильно возложат мои ладони на нужные им головы, я подчиняюсь и встаю на медленно ползущую ленту, которая разворачивается широкой полуспиралью. Останавливается. Шаг... Я оказываюсь на земле, но давление позади не ослабевает – это Нирваа понукает меня идти вперёд. Я же больше всего боюсь момента, когда эти мужчины ринутся навстречу, оттого и не решаюсь взглянуть на них прямо, изучая поверхность под ногами.

Вопреки опасениям, никто не кидается ко мне. Наоборот, поспешно уступают путь, склоняя передо мной головы. Больше того, они тянут их ко мне. К моим рукам...

«Позволено всё», – снова думаю о словах, сказанных Гай-Ре. И тут же резко вскидываю взгляд, осматриваясь. Я ищу, но в море окружающих меня лиц не нахожу того, кого желаю увидеть больше всего.

– Слева. В серой куртке с бахромой, коснись его. – Так тихо, что разобрать, кроме меня, никто не способен, шепчет мне в затылок Нирваа. И уже отчётливо и громко для сестёр и замершей в оглушительной тишине толпе провозглашает: – Первый избранник – тот, кто отныне будет заботиться о пропитании Таймин.

Напрасно она начала с пищи. На Идариане с ней у меня ассоциируется только один мужчина. Охотник! Тот самый, что сообщил: мне позволено всё. Я же фисса? Ведь все в этом мире считают меня ею.

– Нет! – Голос от волнения больше похож на визг, и вложить в него нужный эмоциональный фон у меня не получается. – Начну с того, кто обеспечит мою безопасность!

– Ш-ш-ш... Глупости! – Вновь миниатюрный, униженный кольцами кулачок Нирваа режется мне между лопаток. – Кого тебе опасаться? Сейчас важнее...

Но я не желаю знать, что для неё важнее. Мне всего лишь нужно понять, рядом ли идарианец. Он должен разгадать мой отчаянный призыв! Сам просил об этой роли.

Озираясь вокруг, пытаюсь сообразить, где дерево, под тенью которого он просидел последние дни? Хоть бы он и сейчас был там. Понял меня... Помог!

Момент, когда мой взгляд встречает взор, в котором отчётливо мелькают крошечные голубые искорки, вызывает волну облегчения. Я даже перестаю ощущать злое шипение своей наставницы. И тут же понимаю, почему способна рассмотреть какие-то искорки в глазах. Гай-Ре не у дерева, он совсем рядом!

Рука сама взмывает вверх. Темноволосая голова решительно шагнувшего ближе мужчины синхронно склоняется навстречу, и – о чудо! – у меня появляется первый супруг.

– Глупая дикарка! Зачем ты цепляешься за этого убогого?! – На сей раз шипение пронизано ядом. Но выхода у Нирваа нет, всё случилось согласно обряду, на глазах у всех.

Уже громче, надменно она возвещает очевидное. – Первый избранник. Гай-Ре из рода Охотников. Ему надлежит служить Таймин все годы, отведённые ей судьбой, защищая её даже ценой собственной жизни от любой угрозы и опасности.

– Буду служить! – Мой спаситель обращает ко мне лицо с неописуемым восторгом, а что в его глазах – не передать словами. Тут и неверие, и обожание, и даже ликование.

– Защищай меня, – на всякий случай повторяю охотнику и двигаюсь дальше, поскольку не знаю толком, куда надлежит идти.

Но с этого момента приходит ощущение уверенности, и я успокаиваюсь, словно глубоко в душе больше всего страшилась разминуться именно с этим мужчиной. И указующих тычков Нирваа не чувствую. Я успеваю пройти несколько метров в глубь толпы, когда осознаю этот факт. Спешно оборачиваюсь, так что ленты наряда обвиваются на лету вокруг тела, и утыкаюсь носом в следующего за мной по пятам охотника.

На миг замерев, наслаждаюсь ощущением тепла, что дарит его большое тело. Как если бы он обнял меня сейчас, укрыв в кольце рук от всего мира. Так... безопасно и правильно!

Нарастающий рокот множества изумлённых голосов возвращает в реальность. Чуть изогнувшись, выглядываю из-за широких плеч охотника и вижу перекошенное и покрасневшее от ярости лицо Нирваа. Рука женщины приподнята, кулаки сжаты, как если бы она желала хорошенько наподдать одной, по её мнению, неразумной девице.

- Выбирай дальше! - Растягивая губы в деланой улыбке, вынужденно громко говорит она мне. Одарив замершего между нами Гай-Ре презрительным взглядом, Нирваа с величием правительницы обходит нас и приказывает: - Иди за мной!

Прежде чем обернуться и последовать за наставницей, перевожу взгляд на лицо охотника. Он сосредоточен, даже угрюм. Недавнего ликования больше нет, взгляд устремлён вниз, а тело кажется напряжённым. Желая поддержать, шепчу: «Защищай», посылая ему волну уверенности. Гай-Ре вздрагивает и всего на миг поднимает на меня взгляд. Действительно ли там мелькает тревога?

Сомнения накрывают вновь: что делать дальше? Сейчас мне кажется, что я обрела всё, чего желала. А ещё мужья? Мне никак не удаётся свыкнуться с этой мыслью.

- Урху из рода пекарей.

Остановившись возле очередного мужчины, Нирваа отступает в сторону, позволяя мне увидеть избранника. Несколько мгновений я рассматриваю рухнувшего на колени идарианца, что невольно тянет ко мне голову. Новая тёмно-зеленая одежда, круглое лицо с характерным приплюснутым носом, волосы собраны в тугий узел на макушке. Во взглядах, что он периодически кидает на меня, ожидание и желание угодить. Фигура мужчины кажется грузной, но мне сложно определить точно из-за просторной одежды. Он плох? Вероятно, нет. Но мне он не нравится. И дело совсем не в его облике. Мне сама мысль о том, что наши жизни могут быть связаны, кажется абсурдной!

- Выбирай, - едва шевельнув губами, приказывает Нирваа, взглядом указывая мне на макушку Урху.

Краем глаза подмечаю, что мой муж на крошечный шагок сместился влево, но всё так же смотрит в землю.

- Гай-Ре, ты сможешь защитить меня от голода?

Вопрос срывается с губ прежде, чем я успеваю его обдумать. Нирваа злобно шипит, а охотник мгновенно поднимает на меня глаза.

- Несомненно.

Всего одно слово, но мне его достаточно. Даже не надо уточнять, что я говорю о пище в целом, а не о хлебе, о долгих годах жизни, а не о разовом пиршестве. Он ведь и в жуткой пустыне умудрялся снабжать меня, тогда ещё прожорливую личинку, едой.

- Мне не нужен тот, кто станет обеспечивать меня пищей. Или мне надлежит снова выбрать Гай-Ре из рода охотников?

Прежде чем решиться на дерзкий ответ, мысленно вспоминаю мантру: позволено всё!

- Что-о-о?!

Нирваа взвизгивает от ярости, забыв даже о сохранении видимости невмешательства. Рука её, более привычная к плётке, взлетает с явным намерением хлестнуть меня по лицу. И в тот же миг между нами вздымается искрящееся голубоватыми искорками

поле. Я осознаю это прежде, чем инстинктивно зажмуриться, а женщина резко отдергивает руку, в ошеломлении взирая на моего пока ещё единственного мужа.

В наступившей звенящей тишине все взоры устремлены на нас. Обитательницы Дома счастья подаются вперёд, вглядываясь в происходящее, перегнувшись через перила балкона. И только голубоватые искорки продолжают угрожающе потрескивать. Но угрожают они не мне...

- Ты смеешь препятствовать?..

Изумление в голосе Нирваа сильнее гнева. Она никак не может поверить в случившееся.

- Нет, не смею, - не отрывая взгляда от носков своей обуви, тихо отзывается мой охотник. - Я только защищаю фиссу Таймин. Вы можете причинить ей боль.

- Спасибо, - мне приходится прокашляться, чтобы выдать из себя единственное слово и послать своему защитнику вместе с благодарностью уверенность. Наверное, я могла бы избежать и гнева Нирваа, если бы нашла нужный тембр. Но пока для меня это сложно. Только с Гай-Ре получается. Однако мысль о последствиях пугает - не ударит ли она в ответ «током» Гай-Ре? Это же расовая особенность идарианцев.

Удивительно, но наставница отступает. Резко отворачивается и бросает через плечо, даже не оглянувшись на меня:

- За мной!

Вот только... момент уже упущен. Она в открытом противостоянии отступила, позволив презираемому ею охотнику откровенное неподчинение, да ещё и на глазах сотен других мужчин... Вывод напрашивается простой: ей нечего противопоставить идарианцу.

- Гай-Ре, ты сможешь защитить меня от холода и непогоды?

Новый вопрос слетает с моих губ раньше, чем Нирваа успевает сделать шаг. И производит ошеломительный эффект!

Женщина замирает с поднятой ногой и о-о-очень медленно оборачивается. Сверкая глазами и раздувая ноздри широкого носа, она, кажется, готова меня убить. Испепеляющий взор замечает и мой муж - голубоватое искрящееся свечение вспыхивает вновь. Сглотнув, я отваживаюсь на ответный прямой взгляд моей недавней наставнице. Чувствуя вставшего за правым плечом охотника, в окружении щита из неизвестной, но явно подвластной ему энергии, я испытываю куда большую уверенность. Прежде у меня не было возможности «говорить» с позиции силы.

- Гарантированно смогу, - выждав, пока Нирваа осознает откровенный вызов в наших действиях, спокойно сообщает мой защитник. - Обеспечу и одеждой, и тёплым кровом.

- А?.. - Я задумываюсь, соображая, какие ещё опасности могут поджидать меня в этом мире, и Гай-Ре верно понимает направление моих мыслей:

- Я способен защитить вас от любой угрозы.

Звучит весомо. Да, слова странные для жителя мира, где мужчины не имеют права что-то решать, но я ему верю. Не могу не верить после трёх дней пути по жуткой пустыне.

Со свистом воздух медленно вылетает изо рта Нирваа, а для меня это становится сигналом к полному отречению от обитательниц Дома Счастья.

- Пожалуй, я обойдусь единственным мужем... - тихо говорю. Теперь мне есть за кого спрятаться, если мой поступок спровоцирует бурю гнева.

- Что у вас происходит?

Вопрос, произнесённый надменным тоном, заставляет вздрогнуть. О шокированно замерших вокруг мужчинах я не думаю - их настолько выбило из колеи происходящее, что большинство тех, кто находился к нам ближе, словно окаменело, - но к нам подошли три сестры-патронессы. Их появление становится поддержкой Нирваа - она облегченно

вздыхает.

- Эта... сестра отказывается следовать веками заведённому порядку. Таймин намерена... ограничиться одним мужем, пренебрегая традициями и нашими... поучениями. А он... следует лишь её... воле. - Моя недавняя наставница переводит обличающий взгляд на Гай-Ре, не желая публично назвать его поступок неподчинением. Такой удар по её женскому авторитету.

Самообладание старших женщин оказывается куда выше того, что проявила Нирваа. Меня одаривают краткими презрительными взорами, говорящими: сразу было ясно - от неё жди проблем. Но вот с Гай-Ре они долго играют в гляделки. И как он выдерживает то брезгливое пренебрежение, что плещется в их глазах?

- Церемония выбора закончена! - громко сообщает главная сестра-патронесса и повелительно взмахивает рукой. - Это прискорбно, но нашу сестру от уготованного ей счастья охватило безумие. Мы вынуждены изолировать её и поручаем охотнику уход за несчастной. Судьба предрешила ему тяжкую долю - наша сестра успела официально избрать его до помутнения рассудка.

Как? Нас отпускают?! Я опасалась худшего сценария! Теперь же едва ли не подпрыгиваю от облегчения. Толпа покорно и безмолвно расступается, образовав широкий коридор. По нему я и иду, старательно избегая взглядов местных жителей и стараясь не думать об оставшихся позади «сёстрах».

Охотник шагает следом - я это чувствую. Да и защитное поле никуда не исчезло, сопровождая наше продвижение. Так мы и идём, вдвоём, в оглушающей тишине. Я стремлюсь к уже знакомой цели - дому идарианца.

- Как же меня колотит... - признаюсь я, буквально упав в первое оказавшееся на пути кресло. Сейчас, когда пережитое напряжение отступает, тело накрывает истерическим откатом. Из глаз градом льются слёзы, а сердце заходится в ошеломительном беге.

- Вы совершили невероятное...

Гай-Ре, рухнув на соседний стул, закрывает лицо руками. Его ладони вздрагивают, а голова безвольно опускается на грудь. Мне даже слышится стон.

- До сих пор не могу поверить, что Нирваа не атаковала в ответ, она же пылала от гнева.

- Атаковала?

Устало растирая лицо, идарианец бросает на меня вопрошающий взгляд.

- Энергией, - поясняю я, рукой очерчивая пространство вокруг, как это ранее сделало защитное поле.

- Сила энергии... Вы действительно удивлены? Этой способностью обладают только мужчины Идариана.

Что?! Я потрясённо фыркаю. Так местные женщины совершенно беспомощны? Всё их могущество держится на мнимом превосходстве численности? Оттого нас и отпустили, что противостояние оказалось невозможным. Если только...

- Почему они не приказали другим мужчинам вмешаться? Атаковать?

- Кого? - Гай-Ре отшатывается, и его глаза недоумённо округляются. - Вас? Это же... немыслимо. Причинить вред женщине!

- А тебя?

- Я был очень близко к вам. И мои действия законны. Я выполнял свой долг.

Оу... Как же хочется верить, что случившееся станет знамением перемен! Насколько несокрушима вера местных мужчин в их идеальных женщин?.. Нашёлся же как минимум один, что решился не подчиниться. Один настоящий и совершенно невероятный мужчина, для которого значимость одной конкретной женщины оказалась важнее

устоев привычного мира.

- Ещё раз спасибо. Ты поддержал меня в очень сложный момент.

Что там, без его защиты я была бы полностью раздавлена местными порядками. Сложно что-то противопоставить воле их женщин.

- Сам до сих пор не могу поверить, что решился.

- О... Так ты не планировал подобное?

Он же твердил мне о женском всевластии!

- Я мог... мечтать, надеяться, но наверняка знать о ваших намерениях? И всё же я пришёл, надеясь на чудо. И оно случилось. Так... кто вы?

Гай-Ре на миг прикрывает глаза, как если бы бросился в омут с головой. Пожалуй, момент для признания подходящий - идарианец настолько поражён случившимся, что впечатлить его сильнее не получится.

- В это трудно поверить, - я глубоко вдыхаю, решив открыться. Он поддержал меня, рискнув перечить их владычицам. Я как минимум должна быть искренней в ответ. - Надеюсь, ты после этого не подумаешь, что я действительно безумна? Правда в том, что я попала в долину смерти и вообще на Идариан за миг до нашей встречи. Эта планета и её правила - всё чуждо мне. Я не идарианка.

Гай-Ре слушает так внимательно, что, кажется, забывает дышать.

- Ты же помнишь, какой я была сначала? И догадался о моей способности влиять на твои эмоции через прикосновения? - Он кивает, а я продолжаю: - Так вот я - ледвару. Меня перебросило с другой планеты, и я сама не поняла как именно. Гуляла среди развалин вместе с другими личинками, не подумав об опасности, шагнула через мерцающее марево и в одно мгновение оказалась в вашей пустыне.

- Личинками? - переспрашивает и хмурится Гай-Ре.

- Да. У нас сложный тип развития. Сначала - стадия личинки, наше детство, когда все ледвару выглядят невзрачно и однотипно. Потом наступает момент, когда каждый из нас созревает и готов к изменениям, после которых мы обретаем взрослый облик. Мы с тобой встретились именно в этот период, и у меня началась трансформация. Из-за неё мне и требовалось столько пищи...

- Ага... Но этот взрослый облик?.. Почему вы стали именно такой?

Идарианец запинается и отводит взгляд, подбирая слова. Оказывается, его больше интересует другое - он никак не осознает появление ожившей мечты.

- Трансформация идёт благодаря психической связи. Моё сознание впитывало образы, что побуждали тебя к сильнейшим эмоциям. Мой облик и имя - всё это дал мне ты.

Охотник вздрагивает. Одно дело - догадываться, и другое - узнать наверняка.

- Вы - воплощение моей мечты? У меня это никак в голове не укладывалось. С того самого утра в «Последнем приюте» словно пребываю во сне. И очень боюсь проснуться...

- Не бойся. - Я грустно улыбаюсь. - Больше измениться я не смогу, всю жизнь проживу с этим обликом. Да, это кажется тебе странным, но так всё устроено у нас.

Гай-Ре, мотнув головой, собирается с мыслями. Некоторое время молчит, скользя по моему лицу взглядом и принимая для себя факт явления ожившей мечты.

- Фисса... - наконец он пытается что-то сказать, но я его обрываю:

- Не называй меня так. Я - Таймин. И я не одна из ваших женщин, мне не нужно преклонение.

- По имени? - Тёмные глаза потрясённо моргают. - Как мужчину?.. О... - Неожиданно

лицо идарианца светлеет: – Так принято у ледвару?

– В том числе, – не удерживаюсь я от улыбки.

– Тогда я смогу, – произносит он это с таким серьёзным видом, словно даёт клятву. – Раз это ваши порядки. Кто я такой, чтобы не уважать их...

– А почему ты не удивился, услышав о перемещении? Или в вашем мире есть что-то подобное?

Ответа жду с замиранием сердца.

– В мире? – Гай-Ре отрицательно качает головой. – Нет. Но мужчина, что воспитал меня, тоже был охотником и не раз бывал в долине смерти. Оттого я так много знаю об этом месте. Так вот, он рассказал мне легенду, что услышал от своего отца. Она была об арках-воротах, которые соединяют миры...

– Да! Арки, именно! – В возбуждении я вскакиваю. Неужели мой билет назад – это Гай-Ре? Пусть не на Леду, но хотя бы на ту планету, с которой меня перебросило на Идариан, я смогу вернуться и, возможно, найти там то, что поможет попасть домой. – Где они? Ты знаешь, как они работают?

Помедлив, идарианец пожимает плечами.

– Нет. Я сказал тебе всё, что знаю. И я, и он – мы оба считали это всего лишь красивой легендой.

Разочарованно вздыхаю. Выходит, надежды совсем нет.

– И что будет дальше?

– А чего бы вы... ты, – он спешно исправляется, – хотела?

– Нам точно ничего не грозит здесь?

– Нет. – Гай-Ре уверенно мотает головой. – Угроза женщине – это невыносимо. Никто не допустит подобного. В сущности, твои сёстры уже дали понять, как поступят. Тебя объявят безумной и потребуют от всех избегать любых контактов. Мне и самой показалось, что местным женщинам невыгодно привлекать излишнее внимание к любым проявлениям протеста против существующих устоев. И всё же, мне кажется, революция неизбежна в этом мире. Сложившийся порядок слишком асимметричен. И когда мужчины осознают, насколько в действительности незащищены женщины, то... этот мир ожидают большие потрясения. Как бы не случилось обратной крайности, когда все поменяются ролями по принципу силы.

– Получается, я свободна и могу отныне делать что угодно? Полагаешь, обитательницы сто восьмого Дома Счастья не устроят мне какую-нибудь тайную пакость? В качестве кары за непослушание?

– Каким образом? – Гай-Ре принимает моё беспокойство с полной серьёзностью. – Направят кого-то из своих супругов покарать тебя? Но это невозможно, у нас наказание для фиис в принципе не предусмотрено... – Чуть подумав, он продолжает: – Разве что явятся воздать тебе сами? Но это тоже лишено смысла, я же рядом и легко им помешаю.

– Тогда... Я останусь здесь?

– Если тебя не устраивает это место, можешь жить в другом большом доме. Мы переедем. Их ведь много.

– Нет, я не о том, – замявшись, пытаюсь объяснить. – Ты готов ко всем сложностям, что возникли в твоей жизни из-за меня? К тому, что я буду постоянно рядом здесь, с тобой? Не думаю, что от меня будет много толку, особенно поначалу. Я мало чего умею, а о вашем мире знаю ещё меньше.

Несколько минут Гай-Ре всматривается в меня с таким видом, словно никак не может поверить собственным ушам.

- Вы хотите жить в моём доме? - Он шумно выдыхает. - Да это же самое невероятное из того, о чём только можно мечтать!

Решаю, что разубеждать его сейчас бессмысленно, а со временем можно будет решить и вопрос моей полезности.

- Раз я такая невероятная... может быть, покормишь меня? - умоляюще прошу, вкладывая в интонации чуть больше, чем мольбу.

Идарианец распрямляется так резко, словно бы внутри него сработала натянутая до предела пружина.

- Как я и сам об этом не подумал... не позаботился... - Он начинает суетиться, и я понимаю, что всё же перестаралась.

- Прошу, просто покушаем вместе. Я устала, да и ты пережил не самый легкий день. Обойдёмся без суеты, - теперь, наоборот, стараюсь его успокоить.

- Вместе?.. - потрясение Гай-Ре снова зашкаливает. Пока он не вспоминает о том, кто я. - Так тоже заведено у ледвару?

Проводив в помещение, где запах съестного особенно силён, он усаживает меня на стул и вытаскивает из шкафа, пыхнувшего жаром, большое блюдо. Устроившись напротив, ждёт, пока я решусь попробовать кушанье, и только после этого принимается за еду сам. Взгляд его при этом ни на миг не отрывается от моего лица. Он определённо готов отреагировать на малейший знак неудовольствия и исчезнуть.

- Ты уступишь мне свою кровать?

После сытного ужина и последующего купания, организованного мне хозяином дома, мы вновь сталкиваемся с проблемой. Гай-Ре не допускает и мысли, что я могу спать где-то, помимо единственной и по совместительству хозяйской кровати. Мне же хочется устроиться где угодно, только не стесняя моего защитника. Но испуг, проступивший на его лице, стоило мне об этом заикнуться, говорит лучше всяких слов - не будет этого.

Нахмурившись, я наблюдаю, как идарианец спешно сгребаёт в кучу свою одежду, освобождая от неё предназначенную для этого нишу, а спальню от своего присутствия. В эту же нишу он помещает увиденные в мой первый визит женские наряды, которые, по его собственным словам, изначально предназначались мне. И кровать накрывает шелковистым покрывалом явно не в «мужских» цветах.

- Уже поздно. Ложись... Таймин.

Он привычно запинается, настолько сложно ему обращаться ко мне неофициально. Однако как же ярко вспыхивают его глаза и смягчается тон, когда охотник произносит моё имя!

Благодарно киваю: буду спать там, куда положат. Не может идарианец за один день забыть всё, к чему привык за целую жизнь.

- Если что-то понадобится - только... скажи. - Гай-Ре выдыхает с облегчением и спешно выскакивает из комнаты.

- Спасибо! - вдогонку искренне благодарю я своего спасителя, не сомневаясь, что он устроится спать за дверью и будет слышать каждое моё слово.

Без сил рухнув на кровать, которая окутала теплом, мягкостью и овеяла едва уловимым ароматом, присущим охотнику, я зажмуриваюсь от удовольствия. Как же хорошо... Кажется, такого покоя и радости в этом мире я ещё не ощущала. Именно сейчас я осознала, что всё не безнадежно в моей судьбе. Как минимум есть тот, ради кого я готова смириться с жизнью на этой планете. И пусть пройдет не один месяц, прежде чем охотник осмелится хотя бы коснуться меня по собственной инициативе. И, возможно, не меньше года, прежде чем отважится на поцелуй, хотя бы дотронувшись губами до моего лба. Но...

Постепенно я смогу изменить его взгляды в отношении хотя бы одной женщины. Себя! И

наступит время, когда мы сможем понимать друг друга и станем действительно близки. Тогда мужчина этого мира научится по-настоящему любить и быть любимым...
Наивысшее счастье, когда обретаешь в другом самое близкое существо во вселенной, для нас неизбежно. Засыпая, я чувствую это сердцем. Он ещё не понимает, но уже любит меня. Иначе не смог бы зайти так далеко сегодня. А я... Я точно знаю, что замираю при мысли об одном его взгляде, что больше всего счастлива, когда он рядом. Но говорить об этом рано. Как и о том, что я помню о своей жизни. Но со временем... между нами не будет секретов.

Мой невероятный мужчина... Я мечтала о нём, но только сейчас обрела. Выходит, это правильно, что меня переместило в его мир.

- Гай-Ре, ты уверен?

Укрывшись от всех в тишине своего дома, мы впервые за прошедший год с затаённым напряжением смотрим друг на друга, одолеваемые сомнениями.

- Совершенно.

С нежностью, как это делал лишь он один, мужчина медленно притягивает меня к себе и касается губами лба. Этот жест доверия и любви он впервые позволил себе лишь недавно. Всякий раз в такие моменты моё сердце пропускало удар от той невыразимой нежности, что ощущалась в этом стеснительном идарианце.

- Я хочу быть уверен, что тебе там хорошо. Ведь ты сторонись моего мира, готова отгородиться от него стенами нашего дома. А где хорошо тебе - хорошо и мне. Я не пожалею.

- Вернуться ты не сможешь...

Мне страшно окончательно поверить в его выбор. Увериться, что решение не продиктовано внушённой ему потребностью жертвовать всем ради интереса женщины.

- Да, я знаю. Меня это не пугает, нет ничего, что бы держало меня в этом мире. Когда услышал о приказе сообщить в первый Дом Счастья о любых странных существах, обо всех необычных женщинах или мужчинах, появившихся на Идариане в последний год, сразу подумал о тебе. И испугался! Если тебя у меня заберут, представь, что станет со мной? Ты - вся моя жизнь. Я даже не помню, что было до нашей встречи в пустыне, словно и не жил я прежде. После гибели отца и до твоего появления я был совершенно одинок.

Я так боялась, что меня забыли, бросили... Этого не произошло. Меня нашли, послав запрос не только на Идариан, но и на многие другие планеты, видимо близкие к той, с которой меня перебросило сюда. Нужно ли упоминать, с какой радостью местные женщины в ответ сообщили обо мне? Ведь и я, и Гай-Ре доставили много хлопот, поколебали устои, стали угрозой. Все надеялись от нас избавиться.

Так и получится в итоге. Я улечу. Вернусь домой, на Леду. Но вернусь туда с мужем и в облике идарианки.

Встреча с Диварией стала ещё одним подарком судьбы. Выросшие вместе, разлучённые личинками, мы не смогли сдержать слёз при встрече. Я была безмерно тронута и благодарна и ей, и Делиму! Ведь они сделали всё, чтобы меня найти, а теперь прилетели и заберут с собой.

- Хорошо, - принимаю я решение Гай-Ре. - Могу только надеяться, что ты в дальнейшем не почувствуешь себя разочарованным...

Сжимая его пальцы, я пытливо всматриваюсь в глаза своего невероятного мужчины. В них нет страха, лишь уверенность и нежность. Он действительно всё для себя решил.

- Если в этом мире будешь ты, то этого мне достаточно. К остальному я привыкну. К тому же...

- Да?

- Я всегда готов к очередному испытанию!

- Тогда идём?

- Идём!

Взявшись за руки, мы выходим из дома, чтобы покинуть эту планету. Моя дорога на Леду близка к завершению. И мне есть с кем туда вернуться!

Завершено.